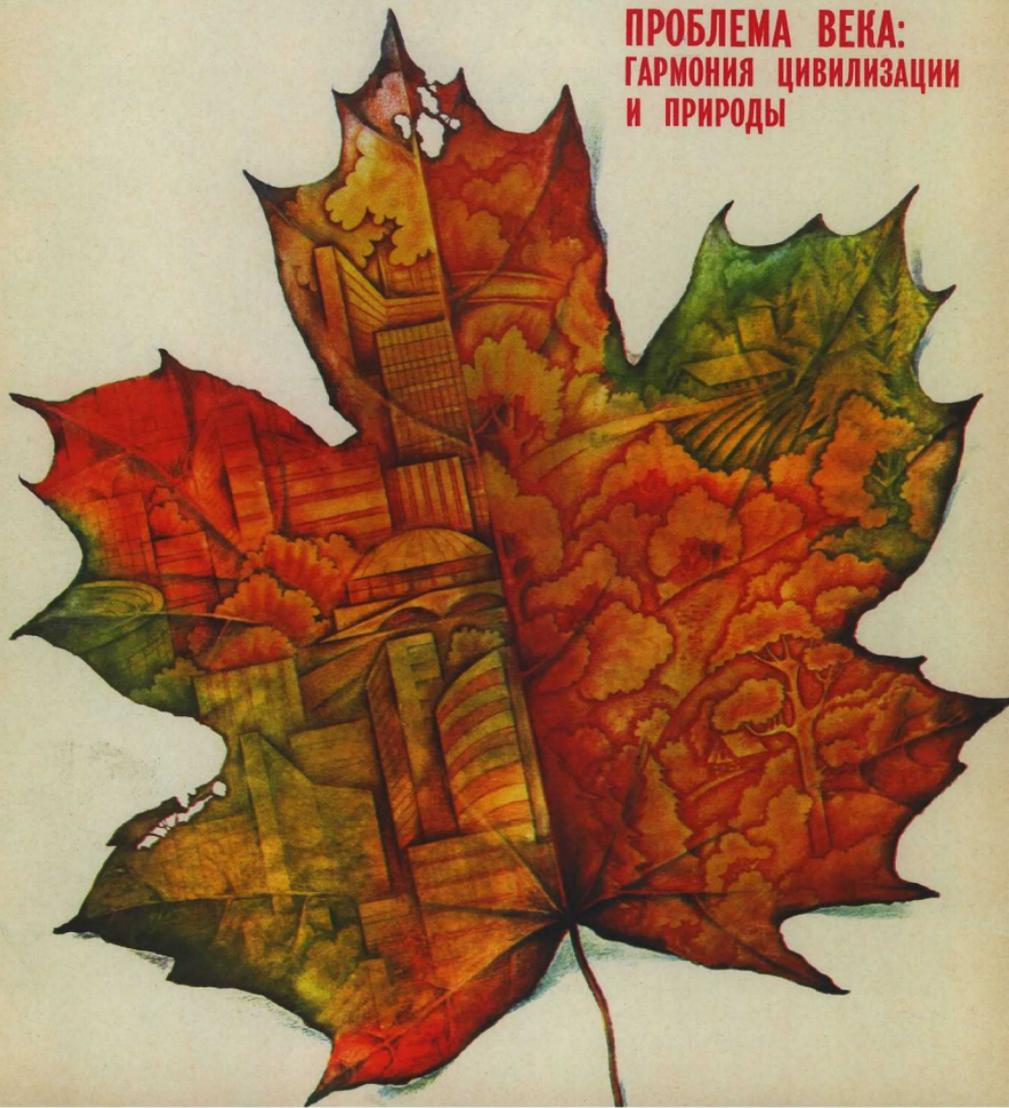

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА, МОСКВА

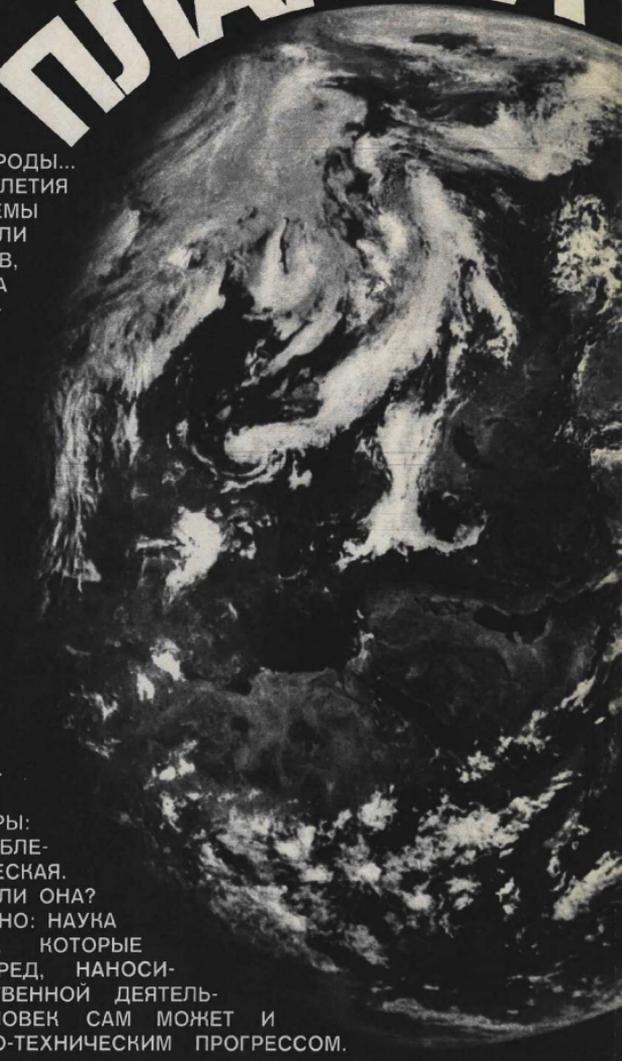
**ПРОБЛЕМА ВЕКА:
ГАРМОНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ПРИРОДЫ**

«НЕ ТОЛЬКО МЫ, НО И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ
ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВСЕМИ БЛАГАМИ,
КОТОРЫЕ ДАЕТ
ПРЕКРАСНАЯ ПРИРОДА
НАШЕЙ РОДИНЫ!»

Л. И. БРЕЖНЕВ

ПЛАНЕТА

ОХРАНА ПРИРОДЫ...

ЕЩЕ ДВА-ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
НАЗАД СМЫСЛ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ
БЫЛ В «НЕХВАТКЕ» ТЕХ ИЛИ
ИНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ,
А САМА ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА
ПРЕДСТАВЛЯЛАСЬ НАМ КАК ОГ-
РОМНАЯ «ПРИРОДНАЯ КЛАДОВ-
ВАЯ». СЕГОДНЯ ЖЕ МЫ ГО-
ВОРИМ ОБ УГРОЗЕ ЧРЕЗ-
МЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ЧЕЛОВЕКА НА ПРИРОДУ.

ВСПОМНИТЕ:

ЗА ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬ-
КО СОТ ЛЕТ ЧЕЛОВЕК
УНИЧТОЖИЛ ОКОЛО ДВУХ
ТРЕТЕЙ ЗЕМНЫХ ЛЕСОВ,

С ЛИЦА
ПЛАНЕТЫ ИСЧЕЗЛИ СОТ-
НИ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ,
ЧЕЛОВЕК

ВНЕС В БИОСФЕРУ ДО
МИЛЛИОНА НОВЫХ ХИМИ-
ЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ РАНЕЕ
ЕЙ НЕСВОЙСТВЕННЫХ...

ВОТ ПОЧЕМУ ПЕРЕД ЧЕ-
ЛОВЕЧЕСТВОМ ВСТАЛА НОВАЯ
ПРОБЛЕМА — ОХРАНЫ БИОСФЕРЫ:
ПРОБЛЕМА НАУЧНАЯ И ПРОБЛЕ-
МА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

РАЗРЕШИМА ЛИ ОНА?

БЕЗУСЛОВНО: НАУКА

И ТЕХНИКА НАЙДУТ ПУТИ, КОТОРЫЕ
ПОЛНОСТЬЮ ИСКЛЮЧАТ ВРЕД, НАНОСИ-
МЫЙ ПРИРОДЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛ-
НОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА. А ЧЕЛОВЕК САМ МОЖЕТ И
ДОЛЖЕН УПРАВЛЯТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ.

С академиком
Константином Константиновичем МАРКОВИЧ
Беседует
специальный корреспондент «Смены»
Александр ДАНИЛОВ

Константин Константинович, тема этих бесед настолько общинно, что я затрудняюсь выделить какого-либо одного элемент и потому хочу задать довольно много вопросов. Определенный уровень знания нового на них попросту важен. Интерес и оудущему природу, и способности ее восстановления в наши дни придает привычный характер и велики все слои общества без исключения. Чем это можно объяснить? Активность прессы, в которой тема охраны природы стала одной из постоянных. Тревожным состоянием географической среды? Если там всеобщий заинтересованность отражает ухудшение состояния природы, то не значит ли это, что это только науке, но и обществу в целом необходимо форсировать свою деятельность по охране природы? Сразу возникает тысяча вопросов.

— Пожалуй, еще ни одна тема не рождала в научной среде такого количества всевозможных суждений. Это объясняется заблуждением, которое порождает сами природу, традиционно предстоящей работы и, в бы смысле, многоступенчатостью ожидающих нас дел. Любая сложная проблема, а в данном случае внушительная сумма проблем, ложится перед наукой, производя несколько стадий. Самой первой этап связан с накоплением необходимой информации.

Сегодня природа уже не может противостоять собственным силам геологической эволюции. Батраста, с которой развивается техническая цивилизация, определяет и эволюцию, и характер всеобщей заинтересованности в будущей судьбе природной среды. Но если в повелении такого повсеместного интереса можно отметить какую-то внезапность, то в научной среде обращение к интересующей нас теме прошло несколько периодов. Например, лет десять-пятнадцать назад, был период, когда успешно можно назвать заповедники. События того времени еще свежи в памяти: мы старались скрывать, оградить от хозяйственного вмешательства человека рядские острова природы. Где ценные породы леса сочетались с редкими видами животных и птиц, который грозил истребление. Одновременно с этим развивалось и другое направление — ресурсное. Однако уже вскоре стало ясно, что необходимо сохранить географическую среду, убрав ее от нежелательных последствий хозяйственной деятельности человека требует более широкого подхода. Проблема, как сказанный ранее, на глазах выросла до гигантских масштабов. Создание заповедников по-прежнему остается важным делом, но основная трудность в решении задачи по охране природы заключается в активном подходе к делу с применением сложных, трудоемких комплексных мер.

— Константин Константинович, как можно классифицировать проблемы по охране географической среды? Существуют ли подвиды классификации?

— Второй вопрос требует четкого однозначного ответа. Между тем однозначного ответа, я думаю, пока еще дать нельзя. Строгая научная классификация предполагает более высокие условия осведомленности, чем тот, который характерен для сегодняшнего дня. И не только осведомленности, а скорее, изученности вопроса.

Свое же участие исходит из двух принципиальных положений: с одной стороны, природа развивается самостоятельно по своим законам, которые в основном и были предметом внимания ученых в течение долгого времени; с другой стороны, хозяйственная деятельность человека приняла такие масштабы, что корректирует природные процессы параллельно и одновременно с их естественным развитием. Эта корректировка настолько интенсивна и специфична, что требует не только серьезного изучения, но и чисто природные процессы. Академик П. Л. Капица определяет три

основных аспекта глобальной проблемы «человек и природа»:

во-первых, технико-экономический, связанный с истощением природных ресурсов земного шара; во-вторых, экологический, связанный с загрязнением окружающей среды и нарушением биологического равновесия в системе человек — живая природа;

в-третьих, социально-политический, поскольку эти проблемы необходимо решать усилиями многих, если не всех стран, усилиями всего человечества.

Исходя из этих положений, по своему масштабу эти проблемы условно разделяют на районные и планетарные. Но это весьма условно, потому что планетарности отмечены и районные проблемы.

— В состоянии ли общество при современном уровне экономического и технического развития эффеитивно заниматься решением сложных проблем по охране природы? Может быть, развитие технической революции и способности природы к восстановлению — явления взаимосвязующие?

— Я глубоко убежден, что такая задача нам по силам. Мотивы неизбежного «умножения» географических проблем, которые время от времени проскальзывают в работе некоторых исследователей, на мой взгляд, не имеют под собой убедительного обоснования.

И хотя в публикациях, посвященных этой теме — ты, вероятно, и сам это заметишь, — приводится много фактов отнюдь не оптимистического содержания, это еще не повод для скорых выводов. Человек устоял своей позиции по отношению к природе, наука выразила фигурально сказать свое мнение. Опыта в решении задач подобного рода у нас еще мало, тем не менее уже сегодня можно ссылаться на отдельные, пока еще пробные удачи. Простой пример: в Москве одним из крупнейших промышленных городов мира, мы сумели улучшить качество воды в Москве-реке. Теперь на набережных реки даже в пределах города можно увидеть человека с удочкой, чего уже не было много лет. Англичане, по сообщениям печати, ликвидировали бич лондонцев — смог. Американцы приняли ряд успешных мер по нормализации условий жизни города Питсбург — одного из самых загрязненных городов мира.

Можно привести много примеров по нашей стране, показывающих, что даже на крупных химических предприятиях, деятельность которых особенно неблагоприятно сказывается на окружающей природной среде, удается успешно бороться с вредными отходами и выбросами в атмосферу.

О возможности общества оградить природу от губительных для нее отходов промышленного производства говорят не только ученые, но и специалисты-практики, работающие в самых различных отраслях народного хозяйства.

Конечно, если пассивно выжидать, к чему приведет потребительское отношение к природе, можно рано или поздно оказаться и перед угрозами непоправимых последствий.

— Значит, вы сторонник активного вмешательства в дела природы?

— Да. Но при этом обязательно добавь — разумного. До недавнего времени наше вмешательство носило односторонний характер. Наши отходы к природе во много, сторице, не наносим только противоборство. Мы предприняли свои достаточно узкой выгоды, но особенно заболела об интересах природы. Теперь же очевидно, что интересе природы — это и наши интересы и мы обязаны думать о них постоянно, чтобы ненародом не срубить под собой суку...

Позиция «немешательства», из каких бы гуманных соображений ни исходила ее сторонник, кажется мне недостаточной убедительной по той простой причине, что процесс освоения новых положений вещей: хотим мы или не хотим, мы все равно чрезвычайно активно вмешиваемся в жизнь природы, вмешиваемся столько, сколько существует сама. Этот процесс остановить нельзя, а затормозить можно и необходимо. Только тогда этот процесс можно управлять.

Нас подчас сдерживает инертность прежних взглядов на природу, сформировавшихся в прошлом, когда мы не обладали мощью вооруженной техники. Проваления этой инертности иногда приобретает, ну, если хотите, даже комический оттенок... Сказано, в некоторых учебниках по физической географии нашей страны явным образом ввиду современных учебников, по которым сейчас занимаются школьники и студенты, — пишется, что на юге России просторятся обширные равнины. Между тем в действительности, если вспоминать, оставшегося от обширных ковыльных степей, существуют в лучшем случае узкие полоски земли и заповедники: давно эти степи расплавлены и структура этих географических районов уже совсем иная.

Академик И. П. Герасимов ввел термин «конструктивная география», который, на мой взгляд, очень точно выражает тенденцию разумных преобразований в природной среде.

— Константин Константинович, уже из того, что вы сказали, можно сделать рабочий вывод, что освоение углубокой природы несет развитие технической цивилизации.

— Да, основные проблемы, которые сейчас стоят перед нами, вызваны именно этим явлением. В «чистой» природе есть быстрые и резкие изменения в планетарном масштабе на протяжении нескольких десятилетий — почти неуловимое мгновение; предостательная сама себе, она изменяется очень медленно, я говорю «медленно» только в сравнении с темпами нынешней технической экспансии.

— В связи с этим утверждением, можно ли полагать, что совершенствование технологических процессов на протяжении освоения природы является единственной мерой по охране природы?

— Думаю, что так и будет. Ведь совершенствование технологии подразумевает комплексное использование сырья, уменьшение вредных отходов, многократное циклическое использование для получения продукта одного и того же объема воды. Закрытые циклы сырья интенсивно внедряются на крупнейших предприятиях страны.

— Очевидно, в ближайшем будущем появится совершенно новое направление науки, состоящая из специалистов своего широкого профиля, назначение которых, вероятно, будет состоять в том, чтобы играть роль «регуляторов взаимноопределенных» между обществом и природой. Ведь труднейшим делом оказывается решать такую задачу, осмысливая на одной только моральной готовности.

— Безусловно, одного только энтузиазма в технике мало. Такая работа требует дорогостоящих объединенных усилий специалистов, освоения огромных капиталовложений и, конечно, разработанной теоретической основы. Все это — и можно предположить, не только в нашей стране, а и во всем профессиональной среде, о которой вы говорите.

— Но нельзя недооценивать и всеобщую заинтересованность. Это — обратное явление. Такая заинтересованность — значительный стимул, и процесс необходимый нам профессионализации.

— Константин Константинович, вы упомянули о том, что условия преобладают, и можно ли надеяться на районные и планетарные. Небольшая часть районов может и не будут своего решения? Можно ли очертить «очаги тревоги»?

— Говоря об «очагах тревоги», я имел в виду не переводы нас разговор в сферу эмоций, möglich тем как районные проблемы определены уже достаточно четко.

Я разделяю точку зрения тех ученых, которые считают, что районный аспект для нашей страны необходим. На обширном территории нашей страны проблема природной среды распределены исключительно неравномерно. Например, у нас избыток вод на европейском и сибирском Севере и нехватка на юге, в Казахстане и Средней Азии. Другим важным фактором является то, что для нас пока меньше всего нужна человеку, или тем, где находятся самые малонаселенные районы, и нехватка в тех районах, где в значительной мере вы-

рабатывается материальная основа общества. Вот несколько проблем, требующих наиболее полного географического и экономического анализа: на юге, в верховьях речных вод Западной Сибири в Среднюю Азию, создание оптимального уровня Каспийского моря, сортировка Байкала, прогноз будущего притока воды в Среднюю Азию, изменение среды Ледовитого океана.

Проблемы не новые. Некоторые из них десятилетиями не сходят с повестки дня, интерес к ним растет. Большая часть из них, конечно, можно и сказать и во вопросе использования сибирской воды в Средней Азии и об оптимальном уровне Каспийского моря.

Одним из моих друзей среди ученых нет и по сей день. Больше того, известны примеры, когда специально одной точкой зрения спустя годы менялись свое мнение на прямо противоположное. Это касается верховий сибирских вод и других степей на больших преобразованиях. Однако это то, что наука до сих пор не располагает достаточно убедительными прогнозами, чтобы можно было предвидеть основные последствия подобных изменений в географической среде. Это касается, например, Каспийского моря — процесс неопытный, поскольку губит реку, затрудняет судоходство и эксплуатацию портов, но в то же время облегчает добычу нефти. Не до конца изучены процессы преобразования в бассейнах. Так что районные проблемы, как правило, имеют далеко не районные масштабы...

было бы ошибочным делать вывод, что в старом направлении преобразования, о которых мы сейчас говорим, нет ничего нового. Это серьезная работа по составлению возможно полных научных прогнозов. Я оговариваюсь во всяком случае: сегодня мы располагаем уже десятками прогнозов, проектов, весьма обоснованных с технической точки зрения. Но... только с технической. Все это говорит о реальной возможности проводить подобные работы. Однако это то, что наука до сих пор не располагает достаточно убедительными прогнозами, чтобы можно было предвидеть основные последствия подобных изменений в географической среде.

— Константин Константинович, что больше всего тревожит ученых в планетарном масштабе?

— Состояние атмосферы. Уменьшается содержание кислорода, увеличивается содержание углекислого газа. То и другое угрожает жизни человека, вредно.

— Это тоже связано с расширением хозяйственной деятельности человека?

— В основном да. Повышенное содержание углекислого газа в атмосфере создает так называемый «парниковый эффект», который приводит к обратному тепло. Это приводит к повышению температуры земной поверхности. Вместе с этим запыленность атмосферы и изменение ее состава в результате деятельности человека. Кроме того, поверхность Земли нагревается благодаря росту энергозагрязненности. По расчетам члена-корреспондента Академии наук М. И. Будного, температура поверхности Земли повышается в результате геохимической прогрессии, и основная причина этому — отрицательная способность атмосферы. Согласно другим расчетам, подогревание земной поверхности будет происходить также в высочайших темпах, как по мнению М. И. Будного, но тенденция к подогреванию отмечается многими исследователями.

Константин Константинович, эти чисто теоретические расчеты основаны ведь на предположении, что в дальнейшем техническое развитие общества приведет к неограниченному росту геохимической прогрессии, а основная причина этому — отрицательная способность атмосферы. Согласно другим расчетам, подогревание земной поверхности будет происходить также в высочайших темпах, как по мнению М. И. Будного, но тенденция к подогреванию отмечается многими исследователями.

Конечно, научный исходит из положения, характеризующего сегодняшнюю действительность. Это не означает, что в дальнейшем техническое развитие общества приведет к неограниченному росту геохимической прогрессии, а основная причина этому — отрицательная способность атмосферы. Согласно другим расчетам, подогревание земной поверхности будет происходить также в высочайших темпах, как по мнению М. И. Будного, но тенденция к подогреванию отмечается многими исследователями.

— Что еще важно отнести к проблемам планетарного масштаба?

— Другой пример — состояние биомассы океана. Здесь, в задачи науки, конечно, не входит оценка вариантов данных семидесятого года биомассы океана мейв биомассы суша в 800 раз. Так что, видите, океан вовсе не безразличен в своих ресурсах, как считалось еще совсем недавно... Это, кстати, довольно старый вопрос, который изучают, когда выписывают, что кое-где мы не совсем умело используем богатства суша... Сейчас вот становится очевидным, что комплексно в первую очередь надо думать о сохранении биомассы океана и грамотном хозяйствовании и меньше полагаться на морские губы.

— Константин Константинович, можно ли говорить сейчас о развитии, предостережении о каких-то инерционных мерах, которые будут приняты в будущем? Или это уже конструктивный план действий?

— Я могу говорить только о каких-то определенных предостережениях. Предостережение же можно много. Загрязнение атмосферы, изменение пропорционального соотношения ее компонентов (углекислого газа, кислорода, азота) — это, конечно, уже вызвано реальными процессами, подвластными человеку, следовательно, и контролировать эти процессы можно. Перед конструктором, например, сейчас возникает задача создания нового типа двигателя внутреннего сгорания, поскольку автомобиль — это массовый и необходимый в наше время вид транспорта — имеет существенный изъян именно в отношении универсальности двигателя. Сейчас, конечно, уже создаются в больших городах, где автомобили насчитываются десятками и сотнями тысяч. Может быть, конструкторы в поисках вариантов бодрого двигателя предостерегают, принимая во внимание действительные, отвечающие известным требованиям. Во всяком случае, какие бы блестящие характеристики ни прилагались к будущему техническому изобретению, оно должно быть универсальным, если в его характеристику можно вписать слово «агрессивность». Нормы состояния географической среды должны привести к пересмотру целого ряда существующих нормативов. Конечно, в этом направлении будет развиваться и моторостроение в авиации — ведь сегодня современный высотный реактивный лайнер за один только рейс через океан использует двенадцать тысяч литров топлива. Можно предположить, что новые требования к техническим изобретениям ознаменуют и новую фазу в истории конструкторской деятельности.

Поскольку общество вынуждено оберегать природную среду в основном путем ограничений, вводимых законодательным порядком. Существуют проекты решения, принятых муниципальными органами власти, но они касаются только местного и даже полного отказа использования автомобилей в черте города. Если подобные решения будут приняты, сделают это будет, конечно, не от корыстной жести.

Наша плановая система позволяет нам совершенно координировать хозяйственную деятельность с учетом всесторонних требований времени. Поэтому сейчас у нас приобретает первостепенное значение создание системы, позволяющей переход промышленных предприятий на закрытый технологический цикл. И уже на этой самой ранней стадии решения стоило вынести для всех задач мы добиваться максимальной эффективности. Мы добиваемся многих стран рассматриваются как область в мировом опыте по охране природы.

— Константин Константинович, если немого пофантазировать, можем ли мы говорить сейчас о существовании каких-то планетарных притяжений, которые бы привели к своему бытию существующие современные международными усилиями?

— Зачем же фантазировать? По-моему, это вполне реальное дело, основанное на реальных прогнозах и даже на реальных начинаниях. Уже работает смешанная советско-американская комиссия по сотрудничеству в области охраны природы. Комиссия разработала планы, оговорены аспекты совместной деятельности, наметены отдельные районы в нашей стране и в США для проведения опытных работ. В частности, то, о чем мы уже говорили — работы по очистке открытых водоемов, атмосферы, способы охраны отдельных видов животных и птиц, работы по созданию системы охраны окружающей среды, охраны и целий ряд других вопросов... все это уже стало объектом внимания комиссии, и в ближайшем будущем надо ожидать практических шагов в этих областях сотрудничества.

Что касается планетарных проектов на бу-

дуще, то их, вероятно, много. Такой вывод можно сделать на основании различных публикаций и сообщений, сделанных на конгрессах, симпозиумах и встречах. Я говорю «вероятно» потому, что по многим вопросам среди ученых мира еще нет достоящих научных объяснений и выводов. Имя Ю. Кю, например, услышан на идио кандидата географических наук П. М. Борисова.

— Я помню... Несколько лет назад в читал об этом проекте в газетке речь идет о возможности строительства плотины и создания водного гидроузла в Беринговом проливе?

— Совершенно верно. Идея Борисова заключается в том, что мы создадим приток теплых вод Атлантического океана через Северный Ледовитый в Тихий. А это, по мнению Борисова, сулит весьма заманчивые перспективы, связанные с популяцией в северных широтах.

— Откровенно говоря, нога и впервые услышав об этом проекте, его техническое осуществление показалось мне фантастичным...

— Представьте себе, что как раз техническое осуществление этого замысла — наивне спорная сторона дела. Бывшие энтузиасты и строители считают, что подобная задача вполне осуществима на современном уровне технических возможностей. Вся трудность в составлении достаточно убедительного природного прогноза и его экономической оценки. Однако человеку такая задача не под силу. Тут должны потрудиться специалисты самых различных профийей. Проект планетарный, поэтому требует объединенных усилий многих развитых государств. В данном случае (кроме Советского Союза) могут быть США, Канада, Япония, страны Северной Европы.

— Судя по всему вы благожелательно относитесь к этому проекту...

— Проект привлекает меня своей реальностью. Это не беспредельная фантазия, а вполне конкретная идея. Привлекает масштабы проекта: подобное дело могло бы послужить добрым началом в новой совместной деятельности народов разных стран. Особенно тех, которые обращены северными границами к Ледовитому океану.

— Константин Константинович, большинство статей, посвященных, выступающих, посвященных охране географической среды, изобилуют фактологическими наблюдениями, предположениями своего рода, но не содержат серьезных научных данных, по своему значению и масштабу факты трудно считать введением в общую работу. Тем не менее пестрый набор иллюстраций, отражающих состояние природы, природы, и читатель почти в каждой публикации, и нетрудно увидеть, что за таким перечнем неадекватных фактов ироется одно общее для всех авторов состояние — безразличность. И действительно, несмотря на относительную ценность нашего отдельного вклада, невольно отказываюсь от всяких не особенно радужных мысленных перспектив, даже если при этом делать скидку на известные издержки репортажества.

— Подобное ощущение ответственности нельзя считать единичным — насковая заинтересованность, о которой мы говорили, свидетельствует тому, что в последние высказываниях о состоянии будущей природы, явление не случайное. И вступает с тем большим ярче с каждым фактом, выходящим в наиважнейшее на нас тревогу, можно поставить другой, да и не один, но менее яро свидетельством о легкомысленности, безразличности, но, а то и просто хулиганских отношении и пренебрежении к тому, что становится в одной и той же общественной среде?

— Вопрос о безразличности, равно и как и случайной бездумной вырубки леса во имя заветной хозяйственной выгоды и даже без всякой выгоды, — все это можно объяснить невысоким уровнем отдельных людей, их невежеством, незнанием последних достижений науки и его удальством от местного уровня, на практике, это происходит в глухих лесных массивах, незнанием, незнанием, незнанием, незнанием, незнанием, в обитных зонах. Но таких случаев, и соединений, слишком много, чтобы их можно было объяснить только свойствами натуры отдельных людей. Это явление, как явление, в этих случаях, проявляется отрицательная сторона нашего экологического стереотипа, сложившегося в пору, когда потребительские отношения в природе основывались на нечестности ее ест.

— Мне не составит большого труда пополнить вашу «клетчатку фактов». Например, сравнительно недавно, что ли, вырубал на просторе леса, находящемся между двумя населенными пунктами, хотя на этой территории человек давно уже получил беспредельную власть над природой, можно объяснить подобные явления имущественно-психологической мотивацией, но, к сожалению, недостаточно. Это мотивировка, конечно, не исключается, но есть и другие весьма существенные причины.

Надо иметь в виду, что перевод к новым, более совершенным формам хозяйствования требует времени. Пока еще наши эконоысты и хозяйственники не вооружены научно обоснованными прогнозами о тех изменениях, которые могут произойти в природе в результате тех или иных изменений. Экономика будущего немислима без таких прогнозов, которые, вероятно, будут обязательной составной частью всяких хозяйственных расчетов. Но центральный вопрос — это не только и не столько прогнозы, а в первую очередь, целесообразные последствия многих технологических процессов, остановить производство или моментально повысить уровень технологии или, конечно, не можем.

Решение подобных вопросов осложняется еще и тем, что технологический уровень в разных отраслях промышленности и в разных районах нашей огромной страны неоднороден. Одна часть может быть быстрее приспособиться к работе с учетом возникших требований, другие — менее подготовлены в технологическом плане — гораздо сложнее поддаются переобучению. Особенно это относится к предпринимателям, но обладающим известной производственной мощью. Поэтому одной тут может быть только тенденция, но условия совершенствования для различных отраслей и районов разными. И в таком образом, мы снова обратились к теме конструктивно-географического подхода в отношении с природой среды...

— И последнее. Константин Константинович, Вопрос, который я хочу задать, обычно начинается всякий деловой разговор, но сейчас, вы знаете, логичнее отнестись его к более широкой части беседы. Какую роль в настоящее время играют организационные моменты? Какая организация выполняет функции координатора объединенных научных поисков?

— Вы задали два вопроса. На первый ответ краток: организационный момент сегодня имеет первостепенное значение.

Необходимость консолидации сил по охране природы назрела давно. Нетрудно проследить ряд последовательных мер, которые были приняты в нашей стране по мере того, как проблема сохранения географической среды принимала характер одной из первоочередных проблем времени.

Наиболее крупной мерой являлось опубликованное в сентябре прошлого года постановление «Гравда» постановление Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов». В постановлении сказано, что рациональное использование, сохранение и восстановление природных ресурсов, безразличное отношение к природе являются составной частью программы строительства коммунизма в СССР. Были отмечены наиболее важные направления практической деятельности по охране природы, к которым можно отнести работы по мелиорации земель и предупреждению ветровой и водной эрозии почв, работы по предупреждению загрязнения атмосферного воздуха и водоемов, работы по нейтрализации вредных для природы и человека явлений хозяйственной деятельности, предупреждению обмунд и выкуса, более широким масштабам квалифицированных специалистов, предусматривая необходимость широкого международного сотрудничества.

Недавно у нас был образован и начал действовать Междоународный научно-технический совет по охране природы при Государственном Комитете по науке и технике. Это очень важная и современная организационная мера. Проблемы охраны природы у нас изучаются в научных институтах, университетах, проектных организациях, комиссиях, замыкающихся на разные ведомства, и оценить эту деятельность, проконтролировать ее и прижать ее к централизованному контролю было не так-то просто. Теперь у нас есть координирующая организация, возглавляемая директором, деятельными людьми, которые призваны упорядочить на самом высшем уровне все научные работы, имеющие отношение к охране природы на уровне многостороннюю работу по охране природы.

Очевидно, в ближайшее время потребуются создать крупную проблемную лабораторию, в которой бы могли добираться наиболее интересные проекты после того, как авторитетное собрание ученых пришло бы к выводу о необходимости такой доработки.

Кустарная деятельность в решении вопросов преобразования природы сегодня уже немислима. Охрана природы — дело постоянное, благородное, практически направленное и интернациональное. При этом, конечно, не исключается возможность такой работы может способствовать оздоровлению не только географического, но и политического климата на Земле.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1934 года
Выходит 21 числа в месяц

№ 22 (1115)
НОЯБРЬ
1973

НАША
ОТБОРКА

Рисунки
художника
Валерия
КАРАСЕВА

6
НЕ ТОЛЬКО БРАТЬЯ!

Статья первого секретаря ЦК ЛКСМ Молдавии
Василия ВИШКУ.

22

ВЫСТРЕЛ.
Последняя командировка
Улдиса КНАКИСА.

21

ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ.
КУИНДИ
«БЕРЕЗОВАЯ РОЩА».

26

НАУКА. ГАЛЦИОЛОГИЯ
Репортаж
с памирского ледника.

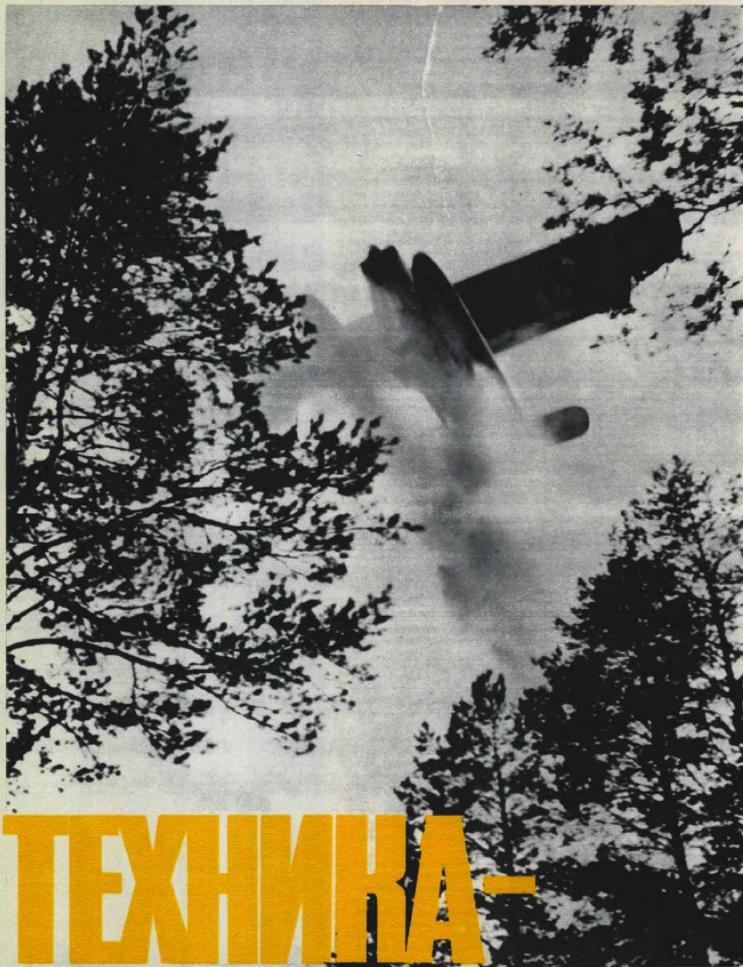
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

БРИГАДА.
РЕПОРТАЖ СО СТРОИТЕЛЬСТВА КМА
ШАГИ К МОРЮ.
ОЧЕРК О КУРСАНТАХ-МОРЯКАХ
РУКУ, ТОВАРИЩ ЗРИТЕЛЬ!
СОДРУЖЕСТВО ТЕАТРА И ЗАВОДА
СТАДИОН «СМЕНЫ».
ДЛЯ ВАС, ЖЕНЩИНЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОНАЛ: В. С. АВАКИН, Г. П. БИЧКОВ, А. П. КУШНОВ, А. А. ЛЕЖАНОВ (ответственный секретарь), В. В. КУШНОВ, заместители главного редактора: В. П. ПАРФЕЛОВИЧ, Р. И. КОЗЛОВСКИЙ, Е. И. РАЙЧЕНКО, Г. В. СЕМАНОВ, С. С. СИМОНОВ, А. Ф. СУКОВ (главный художник), Ю. В. ТИМОШЕНКО, В. Б. ТИМОШЕНКО.

Художник Г. С. Тарбишадзе
Технический редактор Н. И. Будкина

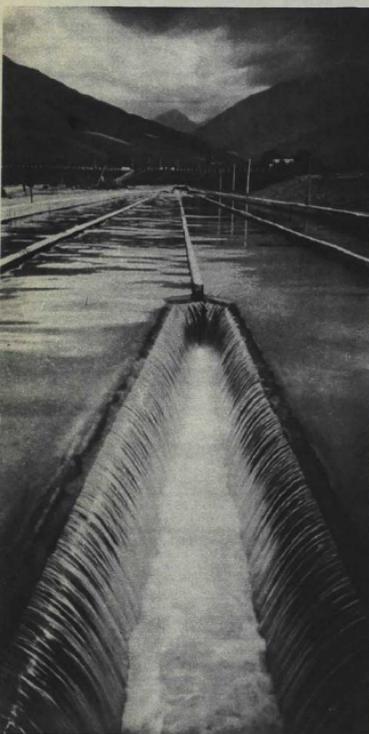
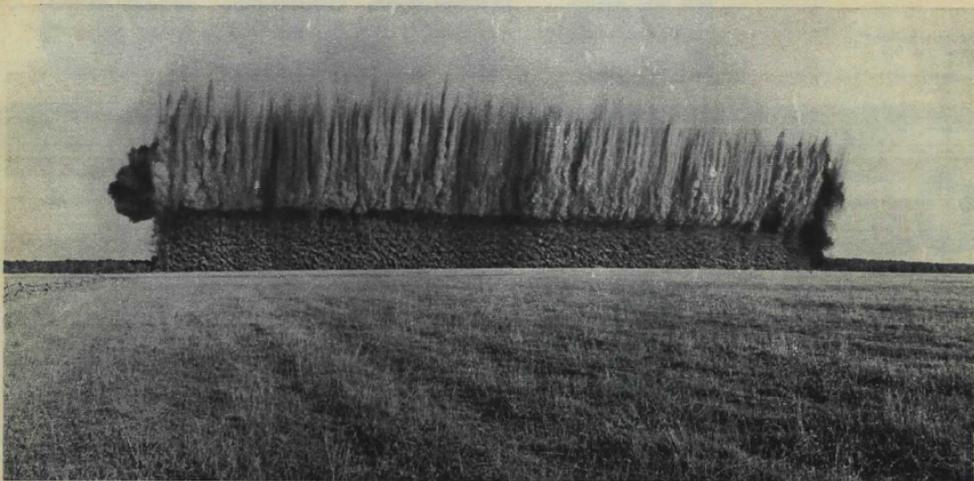

ТЕХНИКА —

ПРИРОДЕ

Человек, вооруженный научными знаниями, достижениями техники, приходит на помощь природе. Вода поворачивает в пустыни и степи. Авиация и воздушные — таежные! — десантники уходят в атаку на лесные пожары. Этот список можно продолжать бесконечно: сельское хозяйство, мелиорация, лесоводство — все это в какой-то степени допустимо назвать службой природы. А служба эта сегодня невозможна без завоеваний научно-технического прогресса, который призван обеспечить «разработку научных основ охраны и преобразования природы в целях улучшения естественной среды, окружающей человека, и лучшего использования природных ресурсов», как сказано в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства страны.

ТЕХНИКА НА СЛУЖБЕ ПРИРО-
ДЫ... МИРНЫЕ ВЗРЫВЫ ПОВО-
РАЧИВАЮТ РЕКИ, САМОЛЕТЫ
ОПЫЛЯЮТ ПОЛЯ МИНЕРАЛЬНЫ-
МИ УДОБРЕНИЯМИ. ПРИВОДЯТ
В ЗАСУШЛИВЫЕ РАЙОНЫ ВО-
ДУ ИРРИГАЦИОННЫЕ И ГИД-
РОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ.
РАБОТАЮТ НА КОЛХОЗНЫХ ПО-
ЛЯХ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДОЖДЕ-
ВАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ.

о школьной скамьи помню, как мы ставшую крылатой фразу тургеневского Евгения Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». В самом деле, она, природа, является источником всех наших богатств, была и остается великой мастерской, в которой прокатывает историческое творчество народа.

В разное время по-разному трактовали эту фразу тургеневского героя, одно время акцент делался на том, что человек-де не должен относиться к природе как к храму, а призван во всю использовать все для своего блага. Ведь она — источник сырья и ресурсов: черного и белого угля, руд, строительных материалов, драгоценностей, ветров и рек, которые можно обуздать. Короче говоря, бездна блага захватит и нам, и детям нашим, и внукам. Потому и черпали на протяжении веков из этой зеленой обочины все богатства, не задумываясь об их дефиците. Такой подход не то иное, как чисто потребительское отношение к природе.

Зачем стал изменяться смысл которого сводился к тому, что природу надо переделывать в то, что бы то ни стало. И природа вскоре отреагировала на него по-своему: мелкие реки, став извилистыми, обматывались дохлыми рыбами, исчезали рыбы и животные. Это была другая крайность.

Серьезные изменения в природе произошли и тогда, когда коммунистическая завладела собою научно-техническая революция. Под ее бурным воздействием нарушился ход существовавший до сих пор на Земле экологических процессов. Окружающая нас среда — воздух, вода и почва — настолько изменились, что это стало серьезно угрожать фауне и флоре, без которой, конечно, было бы невозможно существование человека.

Естественно, не много найдется людей, кто не любил бы провести свой отдых на берегу реки или в лесу, то есть на покое «дикой» природы. Но как бы мы ни любили, как бы ни стремились сохранить ее в первозданном виде, все же исходить нам надо из реальности, а именно из того, что мы не можем ни затормозить технический прогресс в угоду природе, ни стать на путь ее разбазаривания под предлогом содействия техническому прогрессу. Сама жизнь подталкивает нас к разумной основе взаимоотношений с природой, а именно к тому, чтобы обеспечить технический прогресс, бережно, а любовно охранять природу.

Короче говоря, сегодня мы понимаем фразу Базарова так: человек действительно работник в мастерской природы, но он должен прежде всего оберегать всю столь щедро одаренную мастерскую, чтобы в ней ему было бы работать хорошо и плодотворно.

У нас в стране ведется оградная работа по охране природы. Есть специальные государственные круглогодичные бригады. Еще на заре существования Республики Советов Владимир Ильич Ленин скрепя своей подписью первые декреты об охране природы об организации заповедников. Закономерным

шагом, неотъемлемым звеном в цепи плановых акций нашего государства, направленных на сохранение природных богатств, стало и принятие в этом году постановления ЦК КПСМ и Совета Министров. Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов.

Говоря о постановлениях, хочу сказать небольшое лирическое отступление. Этот важнейший государственный акт не только ставит заслон перед тем, что слепо расточает природные богатства нашей Родины, но и напоминает о том, что природа — это еще и нежная, ни с чем не сравнимая красота. От гимнов древнего человека и до строк, написанных в наши дни, есть мировая поэзия, литература, искусство прозаичны дьявлением этой красоты, она стала частью нас самих, частью нашей души, неотъемлемым элементом воспитания чувств, формирования сознания подрастающего поколения. Вот почему все сина сохранила название: «Экологический документ» заключается не только в точном соблюдении его буквы, но, пожалуй, еще в большей степени — его духа.

Вот тут-то и приходится говорить о вещах не очень приятных. Ведь в некоторых местах не следуют ни духу, ни букве законов об охране природы.

Республика наша, по существу, безлесна. Привычный, годами сложившийся образ Молдавии — зеленые холмы, поляны, луга, долины, долины, поля, раздолье садов... Кудры — древние леса, в которых еще безбоязненно гадику находили наездники, приют и защиту, да небольшие массивы лесопосадок составляют всего лишь семь процентов от всей земельной площади республики.

В прошлом веке от топоров предпринимателя гибли вековые дубы. Земля, на которой они росли, распахивалась под сады и виноградники. И лишь в советское время в республике начались интенсивные работы по лесовосстановлению. Ведь лес, как известно, — это и урожай, и климат, и в конечном счете вода. Однако и сейчас еще находится козлящие руководители, которые в погоне за звонкими цифрами сводят лесопосадки, вырубят дубовые рощи, уничтожат древосаженики. Фактов подобного отношения к природе немало. В Сахарне срублено 600 заповедных дубов под смачивание придорожных трасс. В Карлашском районе — уничтожены почти полностью старая липовая роща; в Немцанцах лишь 16 гектаров заповедной асистоночной тополя.

Словом, совершенно очевидно, что уже давно припела пора решительных действий в защиту природы, причем таких действий, в которых самым широким участником должна быть общественность. Опыт в этой области мало-помалу накапливается и в Молдавии. В начале года в республике широкой участю принята была опубликована статья известного члена Академии наук Молдавии М. Ф. Ярошенко. Приведу из его статьи три наиболее важные, на мой взгляд, моменты. Первый, главная, но, во-видимому, справедливо:

«Природа в некоторых местностях оскудела настолько, что даже мальчишка, вооруженный рогаком, может принести ей чувствительные потери. Второе: «Известные, по-моему, ЦК КПСМ и Совет Министров, основные противники грозившей беде должны стать целенаправленно и широко просвещены, планомерно обучены новой дисциплине — защите природы. И начинать его следует с самого юного возраста, когда память растущего человека еще не приглушена, а природолюбивая доброта, необходимая подлинному другому, не подвергается присборившей эрозии, вызываемой еще и сожалением, примерами человеческой жестокости и уроками равнодушия, получаемыми ребенком и подростком на улице или дома. И третья: «Многие мои коллеги-биологи, как и я, убеждены, что будущее нашей страны теперь могут быть вестись в учебные программы хорошо продуманный курс защиты природы... Что касается средних школ, то в них было бы desirable, по-моему, введение нескольких специальных часов в курс биологии. Но тоже обязательных.

Как видно, в этих указаниях от сердца слова выделены, следовательно, важно воспитывать заботу об охране природы именно в молодежи, причем начиная со школьного возраста. Это тем более важно, что человек, который с малых лет научился понимать и любить природу, вырастет чутким к добру и красоте, будет благодарен, нише. Он не совершит ошибок, не будет нише, не совершит замечательного нашего писателя и защитника природы Леонида Леонидовича, прошел «душевный университет» и не будет нише. И как, как и в других республиках и у нас, есть школьные лесничества. Опытными лесниками стали школьники-комсомольцы, которые учатся в Оргескской школе-интернате. Им выданы удостоверения и форма. Ребята носят форму не зря: их лес — он находится рядом со школой — урожай, чист, подлинно обязывает от родителей-наседок и от браконьеров-порушителей. лес, как и полагается, разделен на объекты, каждый из которых зарезлен за кем-то в лесничестве. Следовательно, существование этого лесничества полезно не только лесу, а прежде всего самим ребятам. Они знают, в какой момент выйдут из леса с пистолетом, окружившей их природы.

Подобные Оргескскому, школьные лесничества открываются в этом году в Карлашском районе, в Карлашском, Колосском, Фалештском.

Волпе, мне кажется, заслуживают раскраски о себе и молдавские юнаты.

Ичишневская станция юных натуралистов, например, имеет целый подшефный лес — Гирбовичей. Опытный педагог, имеющий высшее биологическое образование, посвящает ребят в тайны окружающего и пока загадочного для них мира, прививает им чувства действительной любви к родной природе. Каждый из ребят должен выдвинуть в лес с пистолетом домиками — деревянными и из бутылочных тых. Собирают в лесу семена лекарственных трав и высеивают их в саду. Это хорошо охраняет. Этим подкармливают птиц и зве-

рей. Расчищают и обкапывают камнями родники, оберегают нерастущую рыбку, следят за чистотой стоковых вод. И все это делают не имиджовой, а серьезно, планомерно, с любовью, с сознанием того, что звать этой земли, что они защитники и покровители более слабых созданий природы — тех, что чиркают, летают, вьются. Молдавские школьники пытаются бороться с оврагами — объясняют их внешней и боязливости. А в районах новых поселков Кишинэу благодаря комсомольцам школ пустыри, всегда навевающие печаль, теперь зацвели всеми цветами радуги и превратились в источник радости.

Возвращаясь к мысли академика М. Ф. Ярошенко, вот на что хочу обратить внимание. Уже давно ясно, что природа щедро, но ресурсами не бесконечна. Собака, к чему мы уже, привыкли — сломать имиджом ветку с дерева и тут же ее выстрелить, разрешив в лесу кустер, например, скажем, без меры вынуть или зацепить — сейчас все эти поступки граничат — думаю, что это правильное определение, — с преступлением против природы. Мы все, взрослые и дети, должны стать осознательными в каждом нашем шаге по земле...

Естественно обаясь с природой, мы должны осознать свою ответственность за ее будущее, но не бесконечный мир. Принять, скажем, всем нам, людям, не связанным с делом охраны природы по долгу службы, для нас а ч а л а не обязательно наличие специальных знаний — достаточно просто любить и оберегать все то, что вокруг нас. Как, например, оберегать от верхней губки рыбок, а также от рыболовов, — достаточно литейных машин имени С. М. Кирова и ПТУ имени Ю. Гагарина. Они примитивны, что тысяч рыбков под лодку завязывают без воздуха. Медведя было нельзя, и в один день они после работы прорубили 250 лунки, смонтировали на берегу Днестра компрессорные установки для подачи воздуха. Рыбкам, конечно, не нужны, но вода реки щедро одарила рыбками в благодарности за доброе дело комсомольцев.

Будь намелся в преддверье абзаца о том, что дело охраны природы не требует специальных знаний, и спешу оговориться: наука постоянно открывает в природе все новые и новые знания, следовательно, знания, конечно же, нужны! Именно они помогут уберечь природу от оскудения и, более того, способствовать ее восстановлению. При этом и во мне в виду получения таких знаний не в специальных институтах или академиях, а например, в народных университетах охраны природы — по типу того, какой создан у нас в республике и вот уже три года с большой отдачей работает в Тирасполе.

Инициатива создания его принадлежит охране природы. Старые формы работы по охране природы — лекции, кинолекторий — перестали их удовлетворять, и тогда группа охраны природы совместно с молодежью организовала общество «Знание» и общественную охрану природы решили организовать двухгодичные курсы повышения квалификации. В этом случае слушатели могли бы получать научные знания о природе. Сейчас

Из цикла «ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ»

популярность университета постоянно растет. Диплом награждает звание «Общественный инспектор по охране природы» за три года получили около 200 человек. Но самое главное, что с легкой руки слушателей университета в Тернополье теперь заботятся о природе и стар и млад. У каждого завода, у каждой фабрики и школы города — свой участок озеленения. Здесь, пожалуй, тоже своего рода соревнование, кто лучше, красивее благоустроит территорию. Победителей в таком соревновании, естественно, нет — выигрывает все. Идешь по центру Тернополья и видишь вдоволь униц от севера к югу. Долго бродишь, а усталости не чувствуешь. Тут и шума меньше и дышать легче. А пройдется по набережной Днестра — не любопытствуй: на одном берегу забные сады да виноградные плантации, на другом к самой воде подводит тварь, посаженный комсомольцами и молодежью пединститута.

На несколько кварталов раскинула свои корпуса швейная фабрика имени 40-летия ВЛКСМ. Более половины работавших на фабрике — женщины, комсомолки. Отлично трудятся они в своих машин, каждый год забирая одно из первых мест в соревнованиях с другими швейными предприятиями страны. Но не без превеликим, если назвать их еще и нестойкими природолюбцами. Территория фабрики буквально утопает в зелени. По стенам гатинских корпусов вьется хмель, образуя живую зеленую изгородь. Посередине каждого двора — фонтан, вода которого в летние периоды отдухают работники фабрики. Воздух здесь, как в лесу. Улицы, прилегающие к предприятию, засажены кустарниками и деревьями — настоящих парки. И все это выращено комсомольцами (секретарь комитета ЛКСМ Владимир Буваленко). А чтобы на фабрике было еще больше красоты, соорудили оранжерею, где разводят самые разные сорта цветов. Вспомнишь в связи со всеми этими фактами одно социологическое исследование, где убедительно доказано, что ежедневное общение с природой полезно рабочему человеку. Кстати говоря, это могут подтвердить и те директора заводов и фабрик, территория которых озеленена и украшена цветами. В ряду факторов, способствующих увеличению выпуска продукции, они обязаны назвать и природу.

Недалеко от Тернополья, всего в 30 километрах от него, расположен один из самых молодых городов нашей республики — Днестровск. Естественно, что и жители его молодого большинства комсомольского возраста. Живут в нем бывшие строители, а теперь рабочие Молдавской ГРЭС. 10 лет назад вырос он в степи и за эти годы превратился в настоящий цветущий оазис. Интересно, что еще только первая тысяча киловатт бежала по проводам, а в еще не отстроенном городе уже появилось урочище шумной лиственной молодой парки.

Все, что сделано здесь, начиная от уютных современных домов и кончая озеленением, сделано руками комсомольцев. Не только у нас — и в других деревнях и хуторах, зеленый ко-

вер трав, клубы с соцветиями. Днестровск, сами создавая вокруг себя благоприятную среду, сами же и берегут ее. Потому редки здесь случаи порчи деревьев, клумб, газонов, разорения птичьих гнезд.

В Молдавии, кобса, не найдешь больших и малых городов, где не было бы чудесных зеленых уголков, созданных руками комсомольцев. Целые районы взяты под шефскую заботу комсомольцами школ, институтов, различных предприятий. Поэтому скажу о шефстве подробнее — оно того заслуживает. В Кишиневе, к примеру, где цветы на городских бульварах и в парках немалой весной, лето и осенью, нелегкому труду озеленителей помогают 200 добровольных помощников — пионеров и комсомольцев. И мы не без оснований считаем, что подобная забота молодежи о красоте родного города имеет огромное значение с точки зрения нравственного и эстетического воспитания. На глазах у всех молодежи показывает прекрасный образец того, что можно сделать, если к проблеме украшения нашего города подойти всем вместе, сообща.

Нашу республику справедливо называют страной зеленых уголков, изобильных народными песнями, в протяжных дойнах можно услышать часто повторяющиеся рефрен: «лист зеленого выгарада или лист зеленый рогоза». Этот рефрен «роузет верде», «лист зеленыя» — сопровождает молдаванов всю жизнь. И кому, как не нам, комсомольцам, ценить и беречь зеленого уголка, который у нас, унаследовали наши природные богатства? Ведь мы не просто жители земли, мы хозяева ее. И поэтому мы решительно отвергаем бездумную, потребительское отношение к природе, активно выступаем против тех, кто действует по печально известному принципу: «После нас хоть потоп». Постоянно заслон на их пути — это лист полдера. Природа требует еще более действенной помощи. Мы думаем, было бы хорошо, если бы, кроме, конечно, коллективов — вузов, техникумов, школы, фабрик, заводов, колхозов — стали шефами надать определенным уголкам природы: леса, рощи, луга, речной поймы... Шефами и хозяевами! Представьте себе, что вам доверено сохранение рощи. Уж вы непременно постараетесь узнать о ней все, что можно, и сохранив каждое дерево и каждое слово этого дерева. Вы почувствуете ответственность за то, что вам доверено оберегать.

Мы стремимся, чтобы наше общество и должны не только обеспечивать потребности сегодняшнего дня, но и думать о завтрашнем. Очень важно сказать об этом на XIV съезде партии Генеральным секретаря ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев: «Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться природными, которые дает прекрасная природа нашей Родины». Эти слова определяют наш полноту во взаимоотношениях с природой. И обязаны они не всем нам, в том числе и молодежи, которая унаследует богатства мастерской природы и которую придется их сберечь и уберечь.

В нашем лесу очень много муравьиных куч, по одной муравьиной осебной куче, больше моего шестилетнего внукашка Саши.

Гуляя по лесу, мы заходим к нему пооблажать за живую муравьиной. Тихий ровный шорох исходит в этот же день от муравьиной. Сотни тысяч-сотен тысяч насекомых копошатся на поверхности его кучки, тащат куски веточки, затыкают и откусывают свои многочисленные ходы, вытаскивают погреться на солнышке белые личинки-личинки.

Саши срывает былинку и стелет ее в муравьиной. Тотчас на нее набрасываются недовольные, раздраженные муравьи. Они выталкивают былинку и, изловившись, обстраивают ее едой кислотой. Если после этого былинку дикнуть, на губках остается ядовитая роса: ласкующую муравьиной кислоты, похожая на кислоту аммон.

Десятки узеньких тропок разбегаются от муравьиного города. Непрерывным потоком деловито бегут по ним в высокой траве муравьи. Одна из тропок привела нас на самый берег нашей реки. Там над обрывом росло небольшое деревце. Его ветви и листья были облеплены муравьями.

Мы внимательно осматривали деревце. На нем оказалось множество зеленых-зеленых листьев, мягкой массой исподожидая сплывших на нижней стороне листьев и в основании черешков. Муравьи не только тащили свои усавки и папи саломы, но и вытаскивали из них вытаскивали. Это было доброе старое муравьиное.

Известно, насколько разнообразны виды муравьиной. Крупные рыжие лесные муравьи очень сильно отличаются от мелких черных муравьиной-садовской, частично забириваются в сахарину в лесном нашем доми. Уменьше насчитывают на земле тысячи видов муравьиной. Все они живут многочисленными общинами. Самые крупные из муравьиной достигают размера трех сантиметров.

Вернувшись домой, Саши прочитал ей про муравьиной в книге. Мы узнаем об удивительных африканских муравьиной-портных, соорудивших себе гнезда из глины, склеенных из глины особым клейким веществом, вытаскиваем муравьиной личинками, о бродячих муравьиной-охотниках, колющих миллионы армиями, охотящихся из муравьиной-добытчиков, муравьиной-работчи и муравьиной-солдат. Мы узнаем, что есть муравьиной-работорговцы, захватывающие себе в рабство других муравьиной, есть муравьиной-пастухи, выпаривающие у себя в гнездах «дойных» телят, есть муравьиной-земледелцы...

Некоторые из муравьиной, обитающих в жарких странах, иногда приносят вред, обрезаю листву деревьев.

Наше лесные муравьи очень полезны. Они раскрывают почву, уничтожают вредителей леса и производят большую санитарную работу, убирая остатки умерших животных и птиц.

Нет, пожалуй, таких людей, которые не видели бы муравьиной. Но в их сложной общественной жизни далеко не все еще известно. Ученые-микробиологи, изучающие муравьиной, до сих пор не знают, каким образом связываются между собой муравьиной, сложнее перетаскивающие тяжелые, во много раз превосходящие их собственный вес предметы, как удаются им сохранять постоянную температуру внутри муравьиной. Много тайн еще не раскрыто в жизни муравьиной колоний.

Очень давно, когда отец впервые стал брать меня на охоту, произошедшая тяжелой рожай случай. Мы ехали по лесу на дрожжах. Было раннее утро, на деревьях и на траве сверкала обильная роса. Пахло грибами, сосновой листвой. У большого дерева отец остановился молча.

— Посмотри-ка... — сказал он, показывая на огромную муравьиной кучу, возвышавшуюся из заросли травы. — Там лежит муравьиное масло.

Потти на ирришке кучи делал небольшой кусок какого-то светлого-желтого вещества, очень похожого на обыкновенное сливочное масло. Мы сошли с дрожжей и стали рассматривать загадочное вещество, по которому бежали муравьиной. Поверхность масла была матовой от множества следов муравьиной.

Отец рассказал мне, что ему приходится находить на муравьиных кучах такое «муравьиное масло», из которого его родно кому-то умектся.

Мы положили кусок «масла» в кружку, которую брала с собой на охоту, обвязали бумагой и спрятали под деревом. На обратном пути мы собрались съездить муравьиное масло.

Вечером мы возвратились с охоты. Отец вышел из-под дерева кружку и снял бумагу. «Масла» в кружке осталось совсем немного, — оно улетучилось.

Остаток «муравьиного масла» мы привезли домой. В теплой комнате оно расплывалось, стало жидким и прозрачным. От него резко пахло муравьиной слюной.

Этим «маслом» растирала повсюду жившая у нас бабушка и всех уверяла, что лесное «масло» очень помогает от музвинного ее простудает.

За всю долготу жизнь мне не приходилось потом находить загадочное «муравьиное масло», — рассматривая опытные лотки и знакомых зоологов, заглядывая в книги по муравьиной «масло», которое в детстве я видел своими глазами, так и осталось загадкой.

РАССКАЗ

ЛОСЬ

Рисунок Александра МЕНЧИКОВА

После обеда охотники рассуждали о соответствии дичи номеру дробей (тетерев — четверка, журавль — два ноля). Павлу стало скучно. Он решил протягиваться, сходить к рыву, кокачтому болоту: там по ночам какие-то птицы гугали и гремели. Интересно, кто?

Но путь Павла Герасимовича к рыву начался не здесь, а в городе. Начался с гриппа — дробного и сильного, с оставшейся слабостью. Она сидела в нем глубоко. Затем стала душить запах красок. Шел март. До теплого времени, когда он смог бы работать при открытых окнах, ждать месяца полтора. Он побоялся к врачам. Тогда-то Павла и пошла на обследование в неприятное заведение — в туберкулезный диспансер. Там и начался лечебный процесс, оставленный гриппом. Оказалась затронута верхушка правого легкого. Врач порекомендовала лечение свежим воздухом и пастком (три раза в день по 6 таблеток). Павел выбрал лечение свежим воздухом. Дело в том, что, возвращаясь домой с кульком таблеток, он встретил школьного приятеля. Гошка Жохов как раз собирался на весеннюю охоту. Еще два охотника ехали с ним. Они согласились взять и Павла — пусть дышит! И вот Павел оказался здесь, в лесной избу. Но было и нехорошо. Охотники, люди, благожелательные к нему, оказались лесными браконьерами. Они были запрещенных косачей. Но свежий воздух так помог Павлу, что он прощал их.

Надо жить человеком! Мир был велик, и птиц в нем предостаточно.

В рыве, сев на кошку, он рассматривал тесно растущие сосны и косматый на макушках кокаршик. Думала примерно так: «Всякого рода растительные сообщества сложны и мелочны и требуют пристального художественного изучения. Вопрос, так ли просто, так ли слаба природа. Не хитрит ли она? Не проще ли ее микроскопичней город? Еще Павлу думалось, что передать хвостик, кору и прочее сможет только большой фотографический аппарат на цветной пленке. Художник (он сам, например) здесь пасует, хотя Шишкину и удавалось. Но... другие были времена. Сейчас так работать нельзя — время торопливов».

Шишкин был старый атеист. Он удавлял гибель леса и надеялся на бесконечную жизнь его в своих картинах. Оттого и persistence их — строгая, непосильная другому времени.

Груда такая, а попробуй-ка нарисуй ее! — бормотала Павла, разгладывая котуку — Целый мир... Микромир... Мирок, макро, микро. То он деа небо...

Он подвал голову, чтобы произнести сравнение пустоты неба с миллионном деталей, составляющих тело котки, и уздаел перед собой динные ноги.

Перед ним стояла серо-бурая лошадь, одив без седока. Глухости! Откуда в лесу быть лошади! Это стояа зверь, лесной огромный зверине — лось! Он смотрел на Павла.

Под волосными кустиками багастей, любопытствовали зверине крине глаза.

У, громадный!

Павла испугался. Его будто пружиной вскинуло — охнула и побежала. Позади затрещали кусты. Гонится! Стопче! Павел закричал: «А-а-а!» — но горло его перехватило, и кричал он внутренним, беззвучным криком.

Он вырвался из рыва и увидал лесную избу. В ней-то и был охотники. Поляна с явной травой даруг показалася Павлу космической огромной площадью с изобильной звездочкой посредине.

...Лось не топтал его. Испуганный, он побежал и сам в сторону, к просеке. Там и остановился.

Павел влетел в избу и ухватился за косяк.

Охотники (они играли в шахматы) вскочили, рассыпав фигурки, и спросили в один голос:

— Искондация!

— Лоси! — прокричала Павла и села на порог. Он задымился. Груда была сжата, ее хотелось разорвать. Сердце тоже не живое, а просто дергающийся комок. «Умру, умираю уже». Павел привалился к косяку.

...Ушное прошмо. Павел поднял глаза: все трое глядели на него пристально. Холодное, изучающее внимание было в глазах охотников. Они наблюдали. Он встал, селся, встал, селся. — Бомбе... дос... — сообщил он.

— Гнасыт Так не бывает.
Гонка встал, ступил ремешок штанин. И сразу это вошло в избушку, непонятно Павлу. Шхматисты не стали собирать фигурки. Они заторопились. Они хрюкнули, селись в карманы пиджачков с жакардом. И Павлу стало ясно, что они одевают. Они убивают этого лосо. А это огромный лесной зверь — не черные птицы.

— Он же запретишь! — говорил им Павел.
— А-а, завла...
Николай плюнула сердито. Они пошам окулиной лоса. Шан быстро и без говора, повалился на солнце и исчезал в тени.

Павел смотрел. Он ждал — мигнути растягиваясь в часах.

Выстрел ударил с размаху. Лесная стеклянная тонина лопнула и пошла длинными трещинами аса. Павла вскопца. Это еще толсто бежако к нему, пулявля в деревьях, а вдалеке уже были двойными быстрыми выстрелами. Раз-два, раз-два, раз-два, — тремени ружья. Наверное, дос зашприцал, и они еще слышались гулом в его голове короткое время.

Нет, дос улья лежит, а они стреляют в него — а голому и сердцу. Добивают.

Павел домодел пистоль.
По толщине пещки Николай. Без ружья. Остановившись и кришле, цапая воздух звуком:

— Топор... скорее, понос... давай... Ведро... корка собирать... — Он дышал пособачь чаше, и его черные глаза торжественно и смеялись. С топором и ножом, прихватив котелок, он убегал и бежал об нем к ручью, а в сторону, к пруду. Павел шаг за шагом, шед быстро, задыхался, шел, пока не встал на веселый и долгий прогал лесной просеки.

На ней, обнятый первобытным светом, поднимаем и опять тяжело падал лосо. Он тянул к Павлу горбовую дубинку, слепую и уродливую голову. Лос вставал и падал, вставал и опять падал. Задняя его нога была вывернута.

«Ему болало, — думал Павел. — Ему страшно болало. Надо сделать что-то, помочь.»

Он стал подходить к лосо. Он не помнил себя.
— Стой! — зоркала охотники в три голоса. — Стой! Зашибет!
Так добейте же его, гнасыт! — кричал им Павел. — Добейте!
Из-за сосны вышла Гонка. Он наставил ружье. Сухо ударила выстрел бездумной головой. Зверинная голова приподнялась и опустилась. «Он умер, умер...» — Ружья Павла и стипна трясилась мелкой дрожью. «Он умер, умер хоронимой болало, болало...»

И тут он оказался странное.

Была середина теплого дня. Сырой лес дымился, исходил паром. Эта теплая дымка, курявое земляное дыхание окутывало лосо. Оно, поднимаясь, колебалось и контурно. Павла догадался: земля хочет жить зверя в себе. Она дава, они верт...

Но лос не хотел идти в нее. Он забился в конвульсии. Трепал валежник. Брыкался земзя. Влетела разбуренная кылгом лесная мышь. Кончилось.

«Так вот как умирают!» — думал Павел.

Охотники подошли к лосо. Они припримали и ахулу, ударила в черноту головы, колыхнула локонем перевернула лосное тело и подставил котелок, собрав корку. Иван шаг ее.

— Живая еще, полезная, — говорил Иван горчичам на солнце гном. — Тажкини завлавет зверя — обязательно поют.

Хлебнула Гонка и спаснула.

— Пей и ты! — крикнул он Павлу. — Это пошло, вальничешь. Пей, мать твою, и пошу! Пей! — трап он, вставил в Павла, и келье его пасало.

— Кончай треп! — сказал Иван и облизал выпачканные пальцы. — Нужно делать дело. Быстро!

Павел смотрел. Он прихлывался к сосне и стоял. Он глядел на них и аумал: «И вилшину их, когда-нибудь, вилшину вартину — лос в охотники-браконьеры кокрут. Он глядел, врезая в память зеленые асинки пронозидной земляники, окурив уходовый трав, черную зельсь сосны, горшиче пята кривы. Но не это был фом, но не диванлись и действовали люди. От них зависело все саделья шана.»

— Гнады, — думал он. — И я в нем, в сини...»

Около лосо по мелкаякя, ступил.

И опять вилшала дымка, но теперь живая: вилшала откуда-то и вилшала со всех сторон мучо. Она вилшала над кровью, она лезла в глаза и уши.

Павла шлоша, шлуку и откидала ее.

И вперомое, нилком поеломет, перепархивала сорогки.

Лося торопливо потротили. Потом расчленили его тело на большие мокрые куски. Шкуру и синие, дувно пахнувшие хлшия завалили валежником и прикрыли мхом. Мисо стало переносить в избушку. Павел смотрел.

Вечером миса подала. Росвала, горстича смывала крупную соль в черные горшочки перид, крошаче чешнок.

Стола густой, тяжелой запах.

Павла сидел в створке, смотрел и слушав — чужой им. А трое деловито рассуждали о сокращения миса и о делеше его. Решая такти вопрос: стоит ли обещивать делье, чтобы пригнать? Сколько делье килеморова? Подумав, решая так: ничего не давать.

И дилковали: все лето будет мисо, даровое.

Он говорил, что уже вачало мая, быстро теплет, и мисо может испортиться. Что обшая охота, разрешенная на десять дней, вачалась и надо спешно уходить, чтобы поработать в боковой высадке. Решая срочно закрутиться. Прикинути и дальние планы, на осень. Сговорились в октябре — ноябре приехать сюда и завлавет еще одного лосо. Может быть, и двух.

В тесноте лесной избушки Павел вилал их жесткие бородатые лица, пробегавшие бликом по его щекам, вилшала ружья.

«Бандиты, сволочь, — думал Павел. — И таких мисо. Одни убивают зверей, другие — лес, трель — серлда чешельеские...»

Он вилшала прощай.

Павлу казилось, что убийство должно отразиться в чем-то. В молчании птиц, в крови заката, в жестокости и холоде вечерней ветра.

Но вечер был тих и приятен, а небо с вечерней зеленикой. Ко-е-да уже по-мелкаякя новая паутина. Комары толкали воздух у куста ольхи.

На светлом небе они походила на пушкини, на фоне близких черных сосен светелись. Осны же, — от галмак वो — будто черные носки валеж.

В эти часы, селся в карманы пиджачков с жакардом. И Павлу стало ясно, что они одевают. Они убивают этого лосо. А это огромный лесной зверь — не черные птицы.

— Он же запретишь! — говорил им Павел.

— А-а, завла...
Николай плюнула сердито. Они пошам окулиной лоса. Шан быстро и без говора, повалился на солнце и исчезал в тени.

Павел смотрел. Он ждал — мигнути растягиваясь в часах.

Выстрел ударил с размаху. Лесная стеклянная тонина лопнула и пошла длинными трещинами аса. Павла вскопца. Это еще толсто бежако к нему, пулявля в деревьях, а вдалеке уже были двойными быстрыми выстрелами. Раз-два, раз-два, раз-два, — тремени ружья. Наверное, дос зашприцал, и они еще слышались гулом в его голове короткое время.

Нет, дос улья лежит, а они стреляют в него — а голому и сердцу. Добивают.

Павел домодел пистоль.
По толщине пещки Николай. Без ружья. Остановившись и кришле, цапая воздух звуком:

— Топор... скорее, понос... давай... Ведро... корка собирать... — Он дышал пособачь чаше, и его черные глаза торжественно и смеялись. С топором и ножом, прихватив котелок, он убегал и бежал об нем к ручью, а в сторону, к пруду. Павел шаг за шагом, шед быстро, задыхался, шел, пока не встал на веселый и долгий прогал лесной просеки.

На ней, обнятый первобытным светом, поднимаем и опять тяжело падал лосо. Он тянул к Павлу горбовую дубинку, слепую и уродливую голову. Лос вставал и падал, вставал и опять падал. Задняя его нога была вывернута.

«Ему болало, — думал Павел. — Ему страшно болало. Надо сделать что-то, помочь.»

Он стал подходить к лосо. Он не помнил себя.
— Стой! — зоркала охотники в три голоса. — Стой! Зашибет!
Так добейте же его, гнасыт! — кричал им Павел. — Добейте!
Из-за сосны вышла Гонка. Он наставил ружье. Сухо ударила выстрел бездумной головой. Зверинная голова приподнялась и опустилась. «Он умер, умер...» — Ружья Павла и стипна трясилась мелкой дрожью. «Он умер, умер хоронимой болало, болало...»

И тут он оказался странное.

Была середина теплого дня. Сырой лес дымился, исходил паром. Эта теплая дымка, курявое земляное дыхание окутывало лосо. Оно, поднимаясь, колебалось и контурно. Павла догадался: земля хочет жить зверя в себе. Она дава, они верт...

Но лос не хотел идти в нее. Он забился в конвульсии. Трепал валежник. Брыкался земзя. Влетела разбуренная кылгом лесная мышь. Кончилось.

«Так вот как умирают!» — думал Павел.

Охотники подошли к лосо. Они припримали и ахулу, ударила в черноту головы, колыхнула локонем перевернула лосное тело и подставил котелок, собрав корку. Иван шаг ее.

— Живая еще, полезная, — говорил Иван горчичам на солнце гном. — Тажкини завлавет зверя — обязательно поют.

Хлебнула Гонка и спаснула.

— Пей и ты! — крикнул он Павлу. — Это пошло, вальничешь. Пей, мать твою, и пошу! Пей! — трап он, вставил в Павла, и келье его пасало.

— Кончай треп! — сказал Иван и облизал выпачканные пальцы. — Нужно делать дело. Быстро!

Павел смотрел. Он прихлывался к сосне и стоял. Он глядел на них и аумал: «И вилшину их, когда-нибудь, вилшину вартину — лос в охотники-браконьеры кокрут. Он глядел, врезая в память зеленые асинки пронозидной земляники, окурив уходовый трав, черную зельсь сосны, горшиче пята кривы. Но не это был фом, но не диванлись и действовали люди. От них зависело все саделья шана.»

— Гнады, — думал он. — И я в нем, в сини...»

Около лосо по мелкаякя, ступил.

И опять вилшала дымка, но теперь живая: вилшала откуда-то и вилшала со всех сторон мучо. Она вилшала над кровью, она лезла в глаза и уши.

Павла шлоша, шлуку и откидала ее.

И вперомое, нилком поеломет, перепархивала сорогки.

Лося торопливо потротили. Потом расчленили его тело на большие мокрые куски. Шкуру и синие, дувно пахнувшие хлшия завалили валежником и прикрыли мхом. Мисо стало переносить в избушку. Павел смотрел.

Вечером миса подала. Росвала, горстича смывала крупную соль в черные горшочки перид, крошаче чешнок.

Стола густой, тяжелой запах.

Павла сидел в створке, смотрел и слушав — чужой им. А трое деловито рассуждали о сокращения миса и о делеше его. Решая такти вопрос: стоит ли обещивать делье, чтобы пригнать? Сколько делье килеморова? Подумав, решая так: ничего не давать.

И дилковали: все лето будет мисо, даровое.

Он говорил, что уже вачало мая, быстро теплет, и мисо может испортиться. Что обшая охота, разрешенная на десять дней, вачалась и надо спешно уходить, чтобы поработать в боковой высадке. Решая срочно закрутиться. Прикинути и дальние планы, на осень. Сговорились в октябре — ноябре приехать сюда и завлавет еще одного лосо. Может быть, и двух.

В тесноте лесной избушки Павел вилал их жесткие бородатые лица, пробегавшие бликом по его щекам, вилшала ружья.

«Бандиты, сволочь, — думал Павел. — И таких мисо. Одни убивают зверей, другие — лес, трель — серлда чешельеские...»

Он вилшала прощай.

Павлу казилось, что убийство должно отразиться в чем-то. В молчании птиц, в крови заката, в жестокости и холоде вечерней ветра.

Но вечер был тих и приятен, а небо с вечерней зеленикой. Ко-е-да уже по-мелкаякя новая паутина. Комары толкали воздух у куста ольхи.

КОЛЫБЕЛЬ

Александр ПРОХАНОВ
Фото Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА,
Юрия КАПИТАНОВА
и Варфоломея ТЕТЕРИНА

I.

силы, какая она!

Конкут аванционных моторов в
легчайшем бесие и под бивнем кры-
ла, сивоз голубоватую огромную лин-
зу, огненная протока Оби, уходящая
к оиему. Тушанный сиюдний удел
свитого с ней Иртыша. Силетные рек
и притоков. Сиеватые вены и юлы.
А вокруг, насколько хватает глаз, необятное по-
ловое Сибирь, разлазанное ветром и солнцем.
Вароео трава и цветов, оттавших донных вод. Рика-
вые рылое наюти. Пузыри озер. Жирный бульон
торфяников, твезяных расисских почв. Месиво
араматов, цветочной пыляды, бесчисленных толт
васисоных. Плесов с поростающейся рыбой, стус-
ков икры и молоку. Реуцких медадед. Истомно
крячавих кукушек. Все живет и клубится в сия-
ющей бездне. Земля жовая, дышущая, раскрывшая
на тебя тысячу напряженных очей. И твой само-
лет и ты канутся породненем этих глубоких
морщиц, красноватых губ, солнечных далеких
зрачков. Ты вылетел из них на мгновение, в не-
повторимость своей отдельной жизни, чтобы снова

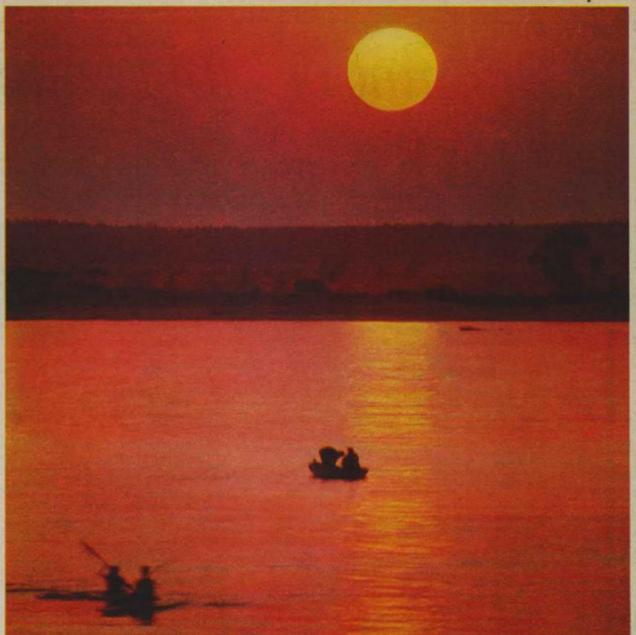
туда вернуться, раствориться в бесконечном дышании порывлившей тебя земли.

А молчит, она и танца!

Ты стоишь за старым сараем с серебристыми растрескавшимися венцами. В руках твоих черенки лопаты, отшлифованный прикосновением пальцев тут до тебя. На головах заржавевшие косы, вилы и грабли, обломки старой дуги. Держится на ветру лебеда. Булю цветет крапива. За тонкими пряслами розова, летящая путаница легчайших ветрушка трава с мотыльками, лугакам, с желтой звездой зверобоя. Синие полевые герани, белый поповник, искры колокольчиков. На пыльной обочине розовая свеча нива-ча. Ты наклонился, копнул. И земля под лопатой вдруг свернула холмоподобной смель. Ты берешь комком, чувствуя его лету силу, тяжесть, холмоподобный аромат. У самых глаз — пористая, издревдевшая гуща с рассеченным, сочащимися корнями одуванчика, с нежной личинкой, бронзовым красноватой жуликом. Ты чувствуешь на ладони шевеление, бноние, будто вынул черное сердце. Смотришь, поразивший таинственным, вымхающим на солнце веществом, из которого все выводит, все создается: пестрота озерных плугов, лес с высочайшими крестами алом, пыльная дорога, по которой идет сагулая тонкая женщина в выгоревшей космыне, помирающая эту землю своей маленькой обманчивой стопой. Ты березно опускаешь комок земли, кладя его аккуратно на место.

Земля выпускает из себя на свободу прозрачные ручьи и потоки. Миллионы стелбий и колосьев. Ночит на себе онемы. Облака и их тени. Раскрывается жерлами дымных вулканов. Пускает птиц в небеса, быстрого зверя — по лесам. Качает на себе города, железные и бетонные башни. Выбрасывает всплеском уносящихся вальсранет.

Земля принимает в себя обратно все дожди, снега и туманы. Мохнатые семена и гладкие зерна. Основные метеоритов и разбившихся крылатых машин. В пустыне на серой равнине — горючие белые черепа павших коней и верблюдов. За наждами среднерусским селом пестрота крестов на погосте, безмянные дорожные могилы, укрывшие в себе стариков. На всех великих пространствах: заднепровских, задонских, заолонских — трень эту землю и несешься железа шлема, пробитого

ИЗ ЦИКЛА «ДОВЕРЧИВОСТЬ ЗЕМЛИ»

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Вновь перед дальней дорогой — струя дождя, как струя, около крыш пологий дым окутывает в тишину...

Грусть от души отлегла шумно зеленая взлест тихо мне окликает кандалом дерево здесь.

Пеле, словно коровы, за бороздой борода... Поле и рощи, чего вы, я не утуду никому!

Разве мне не почили былые паводки тут.

Разве и ныне по камням степи мне не зовут!

Разве же след мой не врезан в каждый камень версты! Даже каленным железом след мой с ние не свести!

В голые птичьих и пиксе свесились вербы и ручью, в кандалах бегущие калашники сам самого узнаю.

В сердце одна лишь забота — скоро в дачные мне пути, словно надлого кого-то горью опять обмануть...

Прежнее, упрямое сердце, словно дерево, к дню с росой яро тынется доверчиво!

Но не ты ли вышло, как от зноса обман? Ничего — ни выдох, ни следа ни отлика.

Под студеной настью ни тропы, ни павесы, ни зары, ни засек, ни дождя, ни застят...

Все заботы розданы, все пути истоптаны.

Кинешься — даль без отзвона на четыре стороны.

Сердцем исторженными мундас не изменишь, далая исторженными тишиной отключишься...

Путь в душе, как в заводи, ни волны, ни взылоя, ни туман, ни збыть будет зно вызвано.

Путь не отключается, но, как соком розовым, сердце манявится все сильнее отзвом.

ПРЕЖНЕЕ, УПРЯМОЕ

ВЕРШИНЫ

За перевалом — новый перевал, казавшись последним издалека, как будто под, когда падаст над грохотом медлительных потока.

В наступивших степных войск вступаю в забитом трюмо, касаясь неба теплого щекою и звездам залезаю головою.

Казалась вышка мной, пока я грудно поднимался к ней в тумане, со мною врозь плали облака, нагнущими тяжелыми громами.

Вершинам душ не отгореть, хоть вся земля отсюда далеко стала. На куртилке последней перевала мне все равно аймак зельная творды.

Не мучаются здесь кривые за спиной расщепленные скалки побегу, и шапется здесь небо не тишиной — ослеплою, охватывающей в снеге.

Отсюда внятен мне неверная пропаданый горный склоня сножию и вещая осенняя тоска гусей, отлетающих ждущих возле плавса.

И мне своей души не обмануть: ни как чье ведь праздное усилье. Я сам дотел взлетел эту куртку, чтобы опять сильнее свои бескрылые

Вершины над ступком вознесены, за лядью плавн нам мелекого данены, и те, кто и боится куртилки, они близки подножью остаются.

И все ж, вступаю вновь на землю тверды, а буду знать, один из аждеримых, что если смерть, то лучше встретить смерть безстрашно и сплюснимо — на вершинах.

Чего гадать напрасно здесь — и все забвляя, в все покаяю и от тебя беду приму, и даже лью, и даже лью.

Мне говорят: «Забудь все!» Но помню я лишь твою, чуть твою прощальную муку, беспомощность былых разлук...

Мне не забыть, мне не вернуть назад, и прощанью горный путь, саушено слышу я опять: течет души прохлада вселять...

Я от тебя — нуть пропадаю — все принимаю наудачу: приму беду — и упаду, приму твоя — не отведу, приму янку — не выношу.

Приму — в свою явиую кровь, как застыл — пуста степь, как старь — на слов, как гостя — в дом, приму тебя — как а тучу горю.

Приму твою тоску с тобой, твой за бное страх слезной, твою запальчивую власть, а власть твою — это промлат!

Так почему в моем тиши живу, стыдись прошедшей лжи, тог днее далеким тороваю, где я люблю, где я люблю...

И все ж, вступаю вновь на землю тверды, а буду знать, один из аждеримых, что если смерть, то лучше встретить смерть безстрашно и сплюснимо — на вершинах.

гранадерского кивера, ржавой солдатской каски, тонкой, хрупкой и легкой. На новгородском расписке берестяна грамота говорит с тоской человеческой речью, дарит тебе знание от границы озерные, золотисто-красный юбок израва. Ты идешь по земле, и от каждого удара нога нусется и тебе голоса и завести.

Все говорит — земля, в каждый видит свою. Бесконечную волнующую степь с зелеными цветущими пшеницы. Серебряные бережки и дубравы с ароматом земляничных полей. Рыжие гряды Баранов в звездах тонких каменит. Искриющийся тумановый наст с низким редующим солнцем. Скалы и кручи с белым нитяным водопадом, с расплывшимися поднебесным ветром.

Все говорит — земля, в каждый понимает свое. Для космопатя, свою нарциссий триплекса среди луи и созвездий, наводщего взвир на нее, голубую, единственную в мироздании, она планета. Для моряна она берег. Для геолога — тверды, лизирующая рука и несть, взвир глубокого газа. Для солдата она образ Родины, ее границ и просторов, та ценность, которую он защищает, та си-

ла, которая питает его. Для хлебопашца земля — вещь, в которое он вкладывает пот и любовь, от которого идет плодородного хлебного дождя. Так кто же она, земля?

Ровная, смуглая степь, посыпанная горячим песком, легчайшим прахом сгоревших трав. По ней упорно идет элевосер. Кружится диск фразы, надразая длинную дачу, чтоб продрнуть в нее стальную посуд, пропустить горячую воду, электрический ток, выдвигать из недр черную жирную кровь. Фреза блещит, и ты чуствуешь вторжение металла в живую плоть, ее страдание, чуждое сопротивление и испытываешь почти ту же боль.

Страшный взрыв на карьере разметал кусты и деревья, разотрал травяной покров, раздробил излозив более робче. И земля, как быбый кит, выброшенный из океана, с торчащими известняком скелетом, расплывшаясь кожей дерна, комьями салыной глины. А ты помнил, что здесь, на откосе, цвели черемуки, и сморгал слезы из наплавающие пародомы, и у ног твоих, в земляных гнездах, свелились ласточки-береговоским.

Ж так человек устроен, что ему собственнито

МОЕ СЕРДЦЕ

Как будто я вхожу на перевал, все чаще прости сердце: погоди! Дышнее воздух мне зеленеем, все тяжелее урск нести в груди.

Мне сердце переполнило этот пульс — так аювня идет в громовету, так слышится элекотрический пуск, настроенный на вость предельной ход...

Мать говорила: — Сердце береги, ты сторожа его не забывай... Но я его держал всея вопреки открытым для друзей и для любви.

Ах, мама, ты права, но ничего, я не зотел, чтоб тышла лишь да глады, ушнбый я стою в его: в открытое нетрудно поплотать!

А то, что больше, это поддело — за лью друзей и за успевов лью, ведь что окольным путь, что непроном — свезешь мир, словно по лезвию, идешь.

И смект, что белы, как молоко, и боль, и память горестной земли, и все ищущие края моего незримо черне сердце пролетит.

Все жизнь, все до ровной черты, доверчивость — на отступ, на разрыв — и праздничные, детские мечты вояши навея, его утяжеляю.

Я миром прозоху, как целиной, а сердце все тревогом отдаю, пока его, на твердым шаг земной натмушится грудью, варту не разбью...

одушевлять неживое. И в свои лучшие минуты его отношине к земле как к живому, имеющей душу стазю.

Земля ввела человека, томилась своим вечным возрождением, круговоротом весен и зим, беспредельностью своих горизонтов. Ему хотелось заплынуть в даль, за зарпы, за соседним лесом и лугом! И он, собирав в путь, оставил крестьянские рубленый двор, или стрелцкий посад, или тизую над прудом усадьбу. Отправился на новое зелью, за тридевять известных, в тридестую, неведомую. По топкам, по тропам, по бесчелюстным дорогам, по гатям, по дубраям, звеня торора, сребра посохом по канно, уходил в горизонты. Поражался гранитным бабам на бургах, изумлялся взрззду из луковичных дворов. Ночал под яркими звездами азнатских пустынь, под туманной, лядистой Медведицей, разноцветно мерцающей над застывшими сибирским реками. Шел заплывородецюю мелея лядию на Лешяду, Бресья павские коней, сарая ноги о камни известных хребтов, пока не дохнет ему в очи солонкой молотной пеной зеленая океан, не кинет к

*
Все в сиянии и в обаяние света,
в блаженстве славы, в золотой ямке
стоит над миром благостное лето,
большое лето мальшиной земли.

В нем есть довольно счастья и уюта
и рожки чернично-сызых вод,
и песенка белая и в уютном
и лесная (из романса!) перелод.

Большое лето. Мы уже не дети,
и нам уже не внове многого,
но это лето в исполненной свете
владствует, словно торжество.

Оно волнует — сной вегетативных
зефиров, оттопавших вязь-кануи.
И странствие кажинной шейской
свешит по-человечески в нелю.

Ты хорошо рифмуешься, Листва!
В тебе, яктарово,
и в тебе, зеленая,
всё трельство. Природы наделенной,—
торжественность звуковой естества,
исполнительность истины яктаровенной,
бессмертье извременнолеса прара.

В тебе святое мужество любви,
и все, чему мы пылаем сердцем служим.
Жизнь и умрань, и вновь жизнь,
и вновь жизнь по всем осенним лункам!

Как по весне гудит лесов громады!
Ну, а потом листва исстает зной,
увазуют в яктаров слазюки земной
е непобедимые арматы.

Шуми, неутомимая листва,—
мне кажется, порой ты спросишь слова:
в тебе печать живого существа,
в тебе отрада существа живого.

*
Есть музыка земли.
Ее позод
тревожной и неизменно печальной,
как островок,
и которую печальней
трезвильный асесный теплокюд,

и далека отмытая пора,
и в лабуре злукотуд поара,
а люди бродят по осенним травам,
по рощицам, урюжым и лугувам,
не торопясь. И осень и нин добра.

И все их душами внятно и понятно.
А по воде плывут мажутя пятна,
как облески плавильного пера.

Но в путь пора.
Зачумт тудом к оттоду.
Сыгнал отмытая подан теплокюд.

И островок растаял там, вдаль...

— Да был ли! — Вроде был... — Сказки на имосты!

Растаял он. Но в сердце поселлась
таинственная музыка земли!

ЛИСТВА

Когда овладевшие пределы
своим триумфальным шествием
свои лядьи, коваечи, каравеллы
со стаялей спускает Листвад.

По стальным городам и заолупицам,
ведде, где взвяхь вступил в свои права,
с верховья далыни к отдаленным, устала
плывут твои флотилии, Листва!

У шельств твой, в шорох твой просланье,
я речь, я отряжене немоти:
как ты шумишь в осеннем Ярославле,
как в Астрахани ниспадаешь ты!

Как осенни, на белых волоколовьях
следы дожди... Слова нейдут я устам:
слепая осень в рифмах отгалгольных
плывут по некрассосым местам.

Звучат слова надежды и отваги,
ну, так на вкус попорубу, каковы
галголы Волги и галголы загни,
галголы уплывающей Листва!

*
Был в одажди в зеленой стране,
свежие сосны склонялись ко мне,
рижское солнце свозило омуты дня
шито неавтожно газзель на мени.

Зелены там все пути божества,
зелена там дугорая трава,
восток там восток от соны рабой,
реки толлей, чам балтиский прибой.

Там и стоял на белесом песке,
вндас я там паруса вдалеке,
взты казалась мне своей ножей
в ярмуже япных морских рубежей.

Был в одажди в зеленой краю,
свежую зелень досель узнаю,
свежую зелень, зубчубый песок,
солъ, оседающую на висок.

Чистые улицы. Город прямой.
Флаг парокрота над круглой корной.
Рокот моторов и шумная речь,
всё, что в душе довелось уберечь.

Блаженная осенняя картина,
и вновь, азурь, и снова чиньная,
Фонган и восторженый Буратино,
но здесь-то оно отпик из чужого!

О, этот воров, этот крукийи ворок!
Поблещная трава на косогорах!
О, этот горок, чистый и льняной!
И кажется, о волоколовьях интеракт
здесь Прошлое беседует со мной.

О, этот шельств, этот добрый шельств!
Здесь рижская ластя преворосил и створ,
как крепостные актрис проща превельт
и живишисе домашним майлоров.

А по весне — зеленая обнова,
и вновь, азурь, и снова чиньная;
а что, если червет искусства слова,
и восточные искусство первооснова,
и вдрозвенный асес первооснова
в тебе, тысячелетняя Листва!

стопан заморочку водворосил. И еи стоял на краю земли, седой, постаравшийся в странствии, опираясь на кремлеву пиццаш с расстрессанной перламутровой рюкучью.

Человек уносил за три моря в котигон горстку родной земли. И потом чужие люди высказали ему в изгольве. Невидящие, уснувшие навеки глаза наполнялись родной землей, и дудини, вырasta из них, гудели на ветру Алески лесник родных деревень.

Я помню, как новосел на Амур, оставив у края поля грохочущий новый Акирвещи с ярмы, стертими о пашню плугами, достал из-под скнелды обычный струнный аршин и пошел по земле, переставляя нехитрый свой инструмент по чуту розовой весенней нине. Амурский ветер трепал его молодое волоси. Он шел, опьянен от просторок, поворачивая спину своему прошлому.

Человек стремился к земле, открывая ее, давая ей имена и названия, осуождая ее, наполняя памятью прошитой жизни. Бьется за нее, как за высшую святыню и ценность. Идет по ней в путь свой от первого до последнего вздоха.

Современная развитая цивилизация осуществляет невиданное давление на природу и землю. В своем триумфальном шествии часто оставляет после себя безжизненные, сомкнутые суковеями, убуленные солончакими, затопленными болотами некогда плодородные земли. Бросовые, изрытые маршрами, непригодные для жилья и хозяйствования территории. Запутавшись в тесноте и хаосе городов-гигантов, задыхаясь от недостатка земли, нудаясь в кислород, пресной воде, в свободном для дыхания пространстве. Вытесненная с земли, превращаясь под землю, на дно океана, в космос. Слогднн прогресс со всем оторочкой поставил проблему взаимодействия человека с землей. Между этих двух полюсов сегодня пульсирует весь спектр наших эвридк и свершений. Любая эвния, планируемая на земле, превращается в сложнейшую битву за рациональное использование земного богатства, за сохранение баланса природного и естественного, первородно-земного и созданного чело-

вечном. На наших глазах происходит исполненное драматизма и пароса ироничное юдаение донения, направление на овладение землей. Загнра эти дония станут еще огромней. Человечество всеи мощью своего интеллекта перестодит от непродуктивности стихийных водворостия к истраггннн землин.

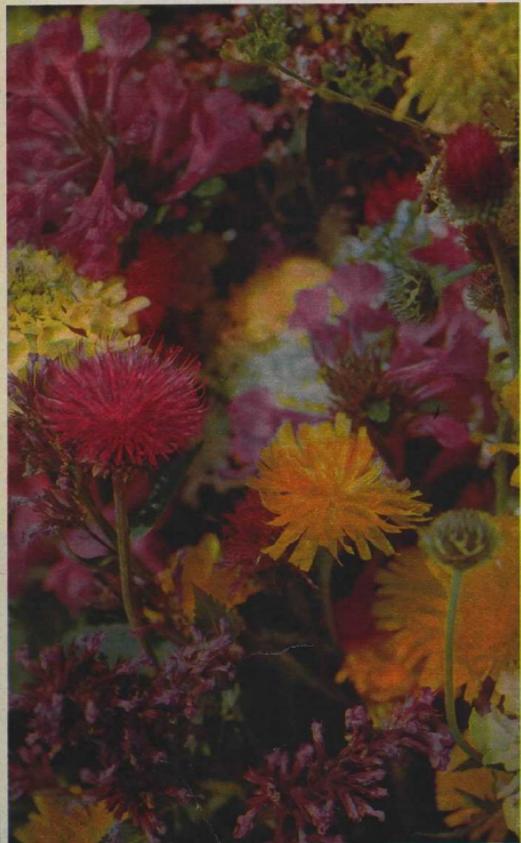
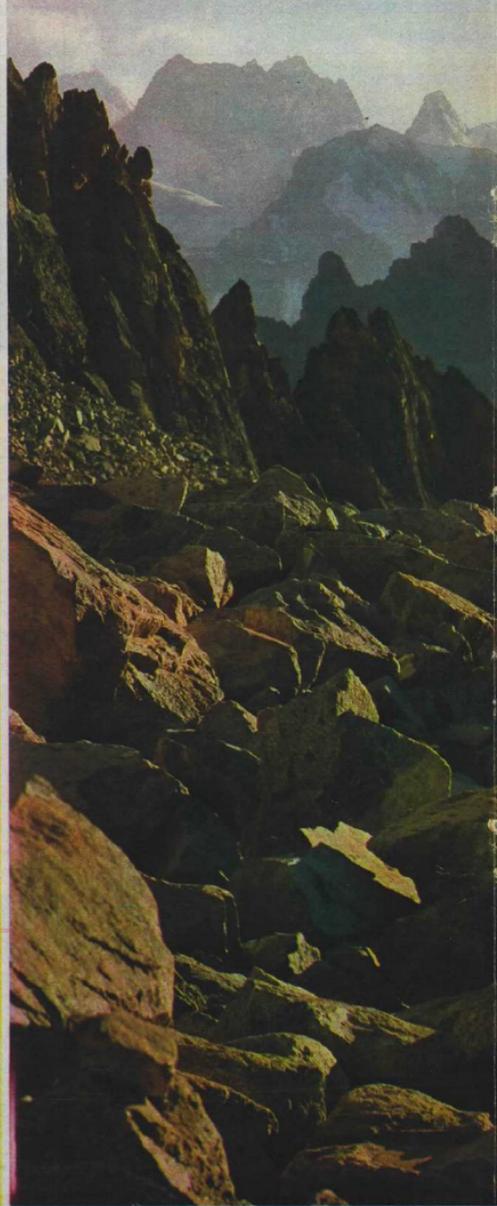
Вы помните эти, еще недавние, еще наши с вами эшопони, убагачение в казахстанскую степь, под рав лугозных окрестностей, с красными надписями «Целина!» Молодые, с горачии, блещокой эвнички. Армада техинии, Палаточные города. Будто огромными десант опулится на бездзорронное, сонное, полуживое пространство, и первые тракторы, принциплы плуги, пахали раздолье без края, в красных тополянах, выпугнутой уток и голуб. Трактористы заглядывались, когда над их головами валили огромные лунные окрестности, поранились иланган динчи, просторы, где можно себе провалить, разламываться, поиграть своим молодостью, силой, дать волю романтическому порыву. На осень гигантская ния откликнулась немыслимым хлробом, затопляя болыими пшеничными, эвничками полевую ста-

ны, дороги, колонны грузовиков и поселки. Степь дымилась песками, пыльными дорогами, казалось непонятно, готовое родить без конца.

И конец романтическому упоению, когда растресженная земля, вырвавшись из цепких плетений весенних корней и трав, вздымалась засухою, сухотами, чернела палками сиреней, равнинно-морозом бесснежья. Хлеб то сигнало, и он оборачивался к осени чахлой, редкой щетиной. То тучная зеленая ива, не успевая набрать зрелый колос, весь выседел, исчерпавшись июнью угодил под снег. Комбайны шли в снегопаде, вороша иотсылали пробитые златом сугробы. Комбайнеры ходили в блестящих обледенелых катниках, ивн в Броне с изморозьювым, несчетными ледяными. И у всех был горючий вопрос: неужели обманулись, ошиблись, и земля, такая щедрая в первые годы, одичало, обернулось свирепостью, злобой, готова лучше умереть, но не дотереть людям? И наконец тогда, потеряв в нее веру, отскакивали обратно, бросив саманные домики, отрезав от романтических упоений.

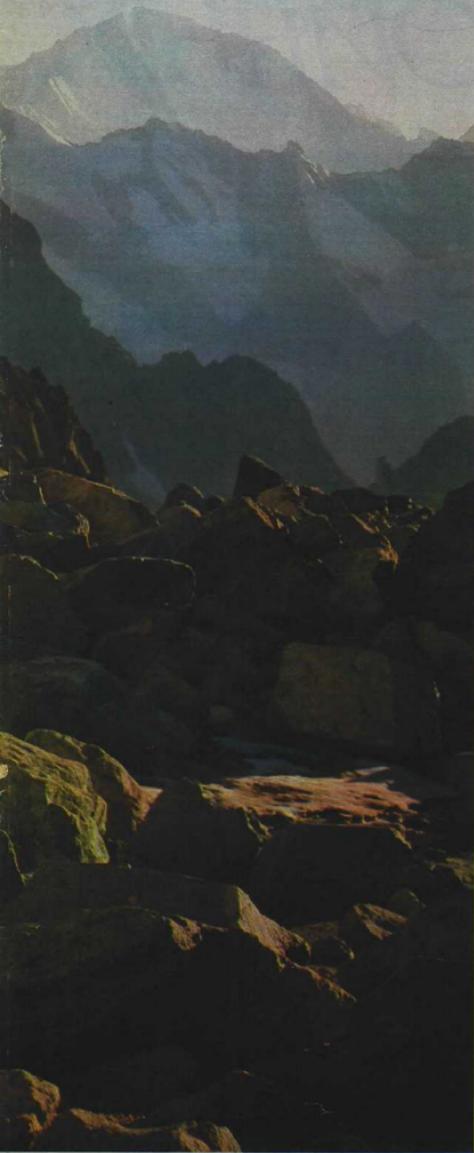
Но те, кто остался, стали искать. Пытались найти неуловимые, ипотезные ритмы солнечных, жарких дней, коротких весенних дождей, ранних заморозков, зимних буряков, чтоб «впечатать» в них свои хлеб и свой труд, войти в зацепление с томчериной, мезамизмом земли, открыть ее сердцебиение и пульс.

Так возникло «целинное» земледелие. Люди узнали срок, почти мгновенный, пролетающий за неделю, когда нужно бросить зерно, чтоб успел

созреть колос. Научились пахать так, чтобы острые гусеницы не сорвали слой почвы, пуская лемех и нож в глубину, не стесняя наружный слой, как бы под землей, под поверхностью совершая основную работу — рыльце, рассечение корневой сорняки, засыпку зерна, удобрение. Научились удерживать все земную необильную влагу, напывая поле впрок. Появились свои машины, целинные культиваторы, селенки, год от года видоизменялись, наращивая новые органы, приспосабливаясь к этой земле. И она покорялась, смирялась. Сегодня целинная пашня, этот пшеничный километровой квадрат, — участок сплошного цеха, насыщенного моторами, механизмами, конвейером удобрений, влаги и солнца, на выходе которого устойчивый урожай. А люди, прошедшие целину, ее радости, беды, сожженные солнцем, закаленные бурями, накопили в этой борьбе и познания богатства человеческой мудрости, опыт векового труда на земле. Ордена и звезды на их груди — благодарность страны за иелогий хлеб целины.

И еще один концентраторовная, ударная акция на земле в погоне за ресурсами, идущая человека делено от уютных мест традиционного обитания. На Мангышлаке, в пустыне, на ржаво-сером горючем пласто люди, отыскавшие месторождение нефти, пришли на новую землю — не нараваном верблюдов, не робкой почочкой путников, блуждающих от колодца к колодцу, а всей силой индустрии и техники: кораблями, самолетами, исполыми тракторов и машин. У кромок со-

на вылезала принять участие в одном из его опытов. Шампанское, предположительно иллюзионистом, оказалось на вкус совершенно обычным, а что было потом, она не помнила, как не помнила это ни один из «добровольцев» Гура. Назад Рита снова пришла и снова вылезала «добровольцем» но Гур никогда не использовал дважды одного и того же «добровольца» — все попытки обмануть его ни к чему не привели. Она стала приходить каждый день, превращаясь в одну из его помощниц, преследуя его всею, даже тем, куда простым смертным доступа не было. У дочери Шефа ВП были некоторые преимущества перед артистами. Кроме того, ведь она была эталоном «подружки» для объекта 17-А.

Но тем не менее Рите пришлось серьезно потрудиться, прежде чем Гур согласился, наконец, посетить с ней бассейн с морской водой, неподалеку от его виллы. Рита потратила полдня на выбор шапочки и купальника, а он даже не взглянул в ее сторону. Он рывком в воде, как помещенный на плавание конец, испытывая настолько очевидное удовольствие, что Рита сделала вполне определенный вывод: существует какая-то причина, но позволяющая объекту 17-А пренебречь к себе. В частности, регулярно посещать бассейн, как все приверженцы плавания.

Все-таки ей удалось еще раз заманить его бассейном, откуда до его виллы гудит поодаль и, наконец, напросился в гости, там он и смог устоять перед чарами своего «эталона». После этого события стали развиваться быстрее. Рита стала «эстононкой подружки» Гура, хотя сведения о нем, во всяком случае, интересующие ВП, почти не прибавлялось. В своих отчетах она с уютливой подробностью описывала его «вкусы, пристрастия и привычки», повторяя почти во всех своих предостережениях.

Обычно они встречались днем, за несколько часов до начала представления, и проводили время либо в бассейне, либо на вилле Гура. Затем он на своей машине подвозил Риту до города. Все ее попытки повлиять его в другое время ни к чему не привели.

Почти целая ночь была посвящена сложнейшей шпиковой аппаратуре, которой Рита с профессиональной ловкостью буквально наводила виллу. Но и аппаратура, как ни странно, почти не помогала. Матрицы форм, аэроплазмы, аш, шум, шип, шлоп, звяканье насосов и подобные шумы не знали. Продолжение. Начало в №№ 20—21.

чашке зюглы. Да и с кем было разговаривать Гур, если гости к нему не ходят, работы были из самой «молчаливой» серии, а ассистентка — глухонемая.

Каждый вечер после представления он уживался, потом около часа в одиночестве гулял по саду, а затем скрывался в своем кабинете и выходил оттуда лишь под утро. Не было сомнений, что весь репертуар иллюзиониста хранит именно там, но доступа в кабинет не было никому, включая ассистентку. Как ни изолировал Рита, исследуя тяжелую герметическую дверь кабинета, она не смогла обнаружить на ней никаких признаков механизма, при помощи которого Гур ее открывал. Тщательный анализ кадров, зафиксированных на микроплёнке этого момента, также ни к чему не привел. Ни слова. Ни одного лишнего движения. Похоже, дверь открывалась сама собой. Или это тоже была одна из трюков знаменитого иллюзиониста?

Но Рита продолжала действовать. В один прекрасный день бесследно исчезла ассистентка Гура, и тут по нескольким комбинированным сигналам Рита ушла в место, это была крупная ногаба. Рита получила возможность бывать на вилле каждый день. Как и предостережения, она приходила теперь к двенадцати — к тому времени Гур уже спал. Она вместе с ним вытратила и присутствовала к репетиции в специально оборудованном помещении вблизи кабинета. Рита узнала секреты многих его трюков, кое-каким научилась сама, однако по главным, что интересовало ВП, пока все же оставалось загадкой.

Чем объяснить странное поведение «добровольцев» на вилле своего патрона?

Миллиарды этого «что-то» — ни у одного из них не было обнаружено после сеанса никаких-либо изменений в организме, равно как и в их поведении. Шампанское для опытов Рита заказывала сама и устанавливала соответствие тону, Гур откусывал бутылку лишь во время сеанса на глазах у публики. Однако специальная кинокамера, нацеленная на его руки, зафиксировала нечто интересное. Всего лишь лишнее движение, повторяющееся от сеанса к сеансу. Похоже, что Гур, наполняя шампанским очередную бокал, что-то незаметно выливал туда или подсаивал.

Если это так, то каким образом запечатлеть хотя бы миллиграммы этого «что-то»?

Несомненно было одно: Гур хранит «это» в кабинете, иначе Рита давно бы все выяснила. И она заметила, что каждый раз перед представлением из кабинета вылетают крошечные, как мушкетеры, на несколько минут к кабинету, а когда возвращаются, манжет левого рукава его рубашки чуть

поросшие росойми, хлебными ивками, с чистыми ручьями, бегоущими ослепкам. Цивилизация не означает вечного конфликта с землей. И сегодня мы наблюдаем исполнение драматичных, а зачастую усилия, направленные на разрешение этого конфликта.

Вы видели, как гунитис и бурдиге асрант под напором растущего стаблн Черная норка издается, пугаться и лопаться, и тогда не зеленый, нямный, искосверженный непомощным усилиями, прорвавшийся к солону испт. Хочется помочь ему, да некуда в безземельном пространстве, пока он горюшку. Но человек ибедает на него повлуг жеромь сального гудрона, и кластится ногол прожариват по нему своим слепым тонам.

Сотворивший городогитин — это рисок земли, покритый зстеплей шабана. Мы живем на потоках затвердевшей смениющей нефти. Здесь гигантский клубок человеческих жиней уловлен в ловушку из металлов и пород, которую человек сделал для природы. И только бунеты вестник черной и осенние красные листья, завозможя в наши каменные лабиринты, говорят, что где-то есть

заметно отторпыривая. Как-то в пути их аэрокар качнуло, Рита будто бы случайно схватила Гура за лезвие руки выше кисти и действительно нащупала небольшой округлый предмет, видимо, пригласивший к теплоте от

Действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не вызвать у объекта 17-А ни малейших подозрений, — таково было строгое указание Шефа. Несомненно продолжениях Ритой планов были непроч заблаговременно, но, наконец, один из них оказался приемлемым — весьма грубоватый, примитивный, но зато отвечающий основному требованию — конспирации.

Давиду Гурю исполнилось всего лишь тридцать восемь, и на здоровье он не жаловался, разве что совершенно не переносил духоты. Рита не раз замечала, как болезненно он реагировал на малейший недостаток кислорода в помещении. Его мирно бедняло, но поворачивал испаринной, и он спешил на воздух, опасаясь обморока, что с ним уже не раз случалось — в этом он сам как-то признался Рите.

И вот однажды Гур, как обычно, зашел в кабинет перед тем, как ехать в цирк, но тут же выскокил оттуда и позвал Риту.

— Что с кондиционером? Там аллать нечем.

— Выключи, испарина. Вызвать ремонтника?

— Некогда, и так опаздываю. Выключи этот на полную мощь.

Конечно, для ремонтника времени не оставалось — все было предугадано заранее до мельчайших деталей. Даже то обстоятельство, что в кабинете не было окон, должно было сыграть на этот раз свою положительную роль. Рита поспешила выключить кондиционер в смежной комнате, а Гур услышал его гудение, снова ушел в кабинет, оставив дверь приоткрытой. Оттуда ему было ясно, что место кондиционера работает мощный насос, выкачивая воздух.

Сначала она начала задыхаться, спиртадо под язык рисоролную таблетку. Наконец, из-за двери кабинета посыпался шум, будто увало что-то тяжелое. Пока все шло как надо. Рита выключила «кондиционер» и быстро вошла в кабинет — сейчас ее появление там выглядело естественным.

Как она и предположила, иллюзионист лежал на полу без сознания. Рита мильком оглядела помещение — обычная, с должной строгостью обставленная комната. Никакого таинственного реквизита и вообще ничего такого, что бросилось бы в глаза, привлекало внимание с точки зрения ее профессии. Правда, она тут же почувствовала, что именно что отсутствует этого «таинственного реквизита» весьма подозрительно.

плавнущая влажная почва с миллионными трав и деревьями.

Согранный город не имеет себе равного противника. Разрывается, покрывает собой огромные территории, сметая на ней природу, окружая себя корками аэродорогов, машинками ТЭЦ, железными дорогами, трамсами, высокотехнологичными линиями. И разрастается, разлетается, как гигантские каменные блины, он мучится в поисках выхода из самого себя.

Мы отпихиваем, себя в свидении с другом, ограничимся темерными зловониями, мы близко, мы разныем недостатным пространством. Нигде так остро не стоит проблема пространства, как в современном городе. Потону лучше уйти в архитектуру митр рошаме, предлагают разные варианты городов будущего.

Эти предложения различны, как различны сознания, их порождают. Но их объединяет одно: они стремятся вернуть человеку жизнь земля и ников небу. Провалье в города изгнанную природу. Соединить гигантские стальные щелки небоскребов с земными, полевыми цветами. Существо-

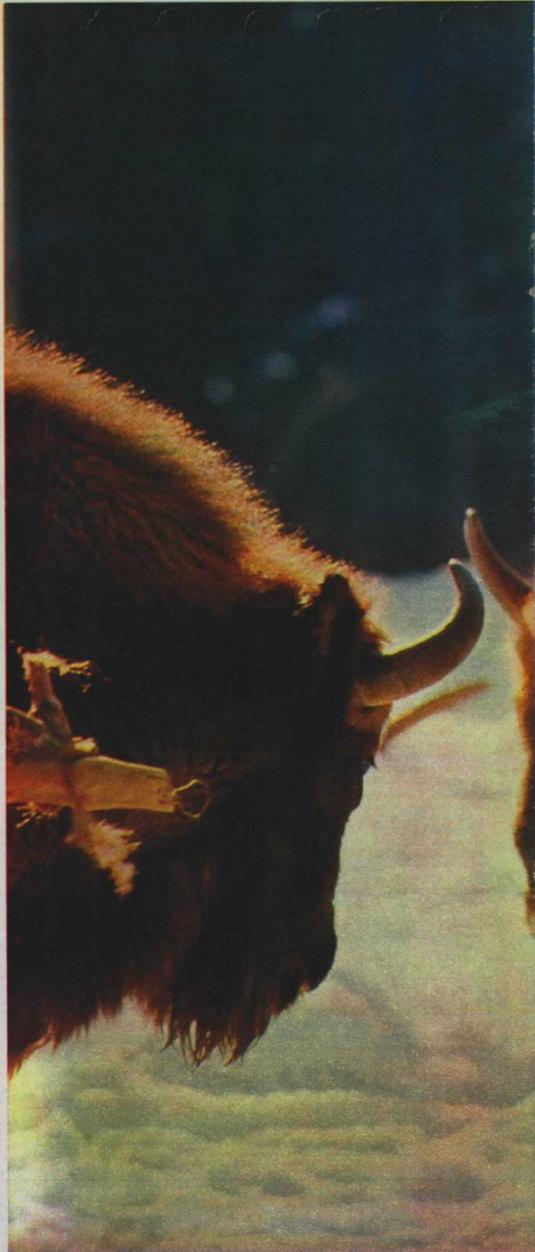
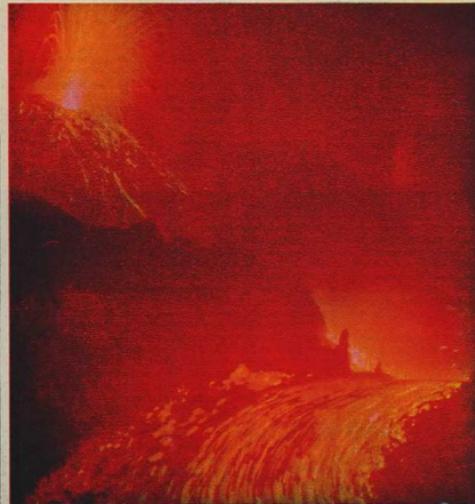

лей, талых сугробов, прелых, сбитых ливнями листьев.

Люди идут к земле, вооруженные новым восприятием, опытом прежних горьких ошибок, тихим поклонением себя и природы.

Ибо полыхо с таким поминанием возмужны: колоссальные деятели, нам предстоящие. Построена канавы в жарких казахстанских степях, эти искусственные русла для великих сибирских рек. Поход за нефтью и газом на дно ледовитых морей. Возведение в пустыне и тундре новых городов. Полет в беспредельный космос. Но куда бы ни полетел человек, он всегда будет с милой, с праматерью, его породившей, со своею любимой навеки землей.

Хор стариков в Каргополе, среди старинных, окрашенных закатом восточ. Лица в окладах бород. Черные поющие рты. Алая вышивка на груди. И они поют песню пра-челать — сыру землю, и ветер за окнами качает сырые плуга, скрипящий над озером бор, черно-лиловую лашю, в которую уйдет солнце.

Лидис Карлович, на сколько дней командировку выписывать? — На шесть, не меньше — быстро отвечает Улдис, не отрываясь от трубки. Он говорит по телефону, одной рукой болто стучит на машинке...

— Побойся, Карлович — Шофер просит и глазами. — Через три дня, двадцать шестого, у меня две рождения.

— Вот и чудно, — невозмутимо отвечает Улдис. — А у меня четвертого. Вместе отметим. Все! Уговорил!

— Уговорил, — нехотя соглашается Волохов и шепчет, наклонясь к своему уху начальнику: — Давай хоть на этот раз... того... возьми. Есть же причина. Хоть сухого. Что мы, хуже баби? — Петр Егорович!

— Ну, молчу, молчу...

...Несуся мимо одиночные, как коробины спичек, дома. Мелькает взрыгав машина земля, городская свалка. Как стельба цветка, которую никогда не вырасти, торчит ржавый круг арматуры.

На подьеме «газика ринк урочаюше»: тут сейчас развалос! Уже пятый год гуагет. Но, поскольку новых машин охотиспецники не дают, их продолжают наматывать по степям сотни километров, чиняный-перечиняный, латаный-перелатаный, не

как и целины делят степи в отвалы, молча вынуждая еву. Добрые люди нормами сайгачков как могли, укрывали от стужи, были, конечно, и те, кто три отдала от себя, от лесного в руки Лидиса мисс. Много было таких...

Княикс почти не бывал в элите. Наверное, в эту зиму уперлись за ним удальчишкой прозвучавший сайгачик чабан.

Бес-чабы оглолся с егерями от стада к стаду. Ловили браконьеров, сбрасывали с самолета трупы соболей для англолов чарошину для кабанов, старались подорвать все живое, что гибло от голода в те страшные месяцы.

В апреле все инспектора выехали на оют англо. Отвергались волнов, диких собак. Сайгачики, уходя пастись, никому обыкновенно оставлять малышей где им вздумается, даже на дороге, и те лежат в «поле затраваны», пока их не разыщет среди сотен других новорожденных мамаша с полным выменем. Только полуденные разбежины, сайгачиков вкочмет на длинные юрники, прыгают, а потом упадут на колени оного матери и припадут к соску милоно. Но ни свет фот, ни гуаю не могут справиться с места малыша, если он затиснул. Дамы, бери его толмачи руками.

Как илп Улдис этот могучий рефлекс послушания и не егеря пытался уносить малышей с дороги. Бесплодной Сайгачата сотнями лежали в самых опасных местах, как будто прежевал гигантская ишани и растерла эти страшные сны существа с огромными грустными глазами.

Княиксу пришлось потерпеть, чтобы дороги, ведущие и местам самых крупных чадских садов, были перерезаны. — Искусленные, обезленные, сайгачики еле держались на ногах. Улдис метался от одной ялононо миссиса к другой, принимая роль, мейта новорожденных. Одна матка вырвала себе родовую ямку на ма-

Волохов откидывается на спинку сиденья, устремив лодубное рук на баранке и продолжает: — Лучше скажи ты анде Карлович...

Улдис улыбается. Начинается один из тех длинных разговоров, которые в каждом командировке заводит шофер. Любимых тем у него две. Первая: — Скажи ты мне, Карлович, чем тебе так понравилась наша степь, что и к родилем не перебраешься? Ты же никак лет шесть у нас?

За годы совместных поездок Волохов изучил биографию и характер своего начальника, он заранее знает, что ответит Карлович. А все же опыт и опять подымает распырывать этого удальчишского всея человека.

— Сам же знаешь, Петр Егорович, как я люблю арбузы.

— Ты не шути, — сердится Волохов. — Ты так обрывает, чтобы я понал.

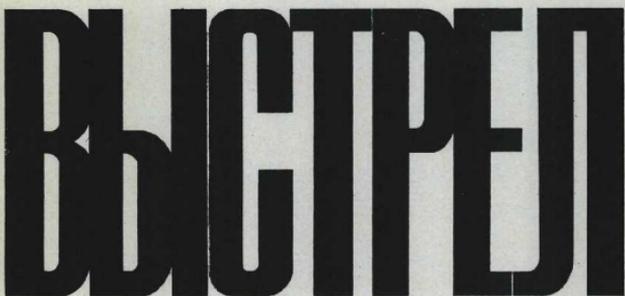
...Еще тогда Улдис был студентом Иркутского сельскохозяйственного института, а выпускники ИСХИ развозили по разным местам легенды о необыкновенном латышке.

Он отличник, хоть не имеет ни тетради, ни ручки — у латки редкая память.

Он готов всякими пропадать в тайге, но это не мешает ему быть блестящим председателем научного студенческого общества. Девушки считают его одним из самых красивых студентов: сероглаз, высок, стремителен. Он всегда элегантен, но нет в нем городской хрупкости. Тонув в тридцатиградусный мороз и даже не за-

«ЗАЩИЩАЯ ПРИРОДУ, ЧЕЛОВЕК ЗАЩИЩАЕТ РОДИНУ».

М. Пришвин

Лина ТАРХОВА

«газика уже, а «дворняг неопределенной породы, верный друг.

Трудно ему дается горка. Но одолел и редкостно фарируя, вылетает в открытую степь. На телеграфных столбах стоят степные орлы, сердито глядят по сторонам.

— Тоскливо им, — кивает на орлов Улдис и бьет кулаком по колену. — Мало, мало степи эаидва в степи.

— А как думаешь, Карлович, сколько сайгачков на этот раз будет?

— Бюось даже загадывать. — Скоро осенний пересчет сайгачков. Улдис едет уточнить место, куда стада степных англол откомчевали за лето. Он начальник службы охраны сайгачков.

Сколько же их насчитают?

— Яма была страшной для сайгачков. Уже в конце лета намящая степь куда могла промарить огромные стада. Сайгачи непереварились, едят даже ишанины и ядовитые травы, но летою солнце, иная огнем, спалило все; из обожженной земли торчали только сухие стельки.

Начавшееся бедствие обрушилось на зверье зимой, когда корня льда, набравшая иваньянским снегом, спрятала остатки корма. Пытались пробить ледяную памишу, животные собирали ноги до костей.

Началась массовая гибель англол. Вонгу их стада кружили волны. По чистоты степи волны не догнать здорового сайгача, да и неминуемо зиму не догнать. Ишаны, если хочеть похвалять лошадей, говорят: сломают, как сайгачи. А на снегу англола, как в напине.

В поисках пищи и защиты животные бегли и буровые вышка геофизиков, и чабвским дом-

леньком холмике и лежала сверху огромной бесформенной ледышкой подобия льда, что пошло ей уже нельзя. Сайгачика еле вошла языком, облизывая свернувшись калачиком детеныша.

Улдис узел окригнущих сайгачат — они навзрылись и — и подали конатки из гордого клуба друзей природы. Один сайгачишка вынырнул с восточной стороны тизраню резвой, крепнотной Зеведонон...

На заднем сиденье лежит, подпрямився на узлах служебный карабин. Но гуаю Улдиса фотоаппарат. Бюнокл прижат к глазам.

Земля вокруг коричневая, сухая. Но кое-где голубуют островки польнны, желтеют пятна верблюжьей колокольчи. И оттого, что их мало, и знаешь, какой ценой растениям удалось выжить, чудом кажется эта отживая жизнь.

— Петр Егорович? Ты посмотри, какая степь красивая!

— Вжну, — добродушно отвечает Волохов, даже не повернув голову полубогазого лица.

— Нет, ты посмотри, посмотри, — уговаривает Княикс.

— Что я, так не вижу?

— Подунайт только, как с тобой уехали от бетона, от железа к такой красоте! А человечество всего своим историей и знамилось, что шло в обратном направлении. А, как ты не это слютир?

— Я в этом не понимаю, — отмахивается шофер. — Это только одно знаю: возвращаться туда, — княикс назад, — ты не любишь.

бонел. Забрел с ружьем в таеиную глухомань, пуганый — двести белом. А однажды даже встретился в тайге с медведем-шатуном. Обезумевший от голода зверь пер на него, а пуган был на исходе. И асестани Улдис справился с ним. Полянто, что не так, а как же? Улдис Ишанис — необычайно веселый человек.

Княиксу давай предлагать любую точну в стране, где ему хотелось бы работать. Он выбрал место, где дал — непотычий край...

— Что молчишь, Карлович! — торопит заснувавший без разговора шофер.

— Знай бы ты, как не торпится довать.

Скорее, скорее увидеть, как летит, расплывая мукуисте тоду над степью, красавец ердик! Княикс почти месья не был в степи — ездил к родителю в отпуск. Неделю от Риги едет крошечный акуратный поселок Грашинец...

Улдис, как всегда, накупил травы, довок смелен сено в стога. Обжевал все родных, знакомых... Что еще долать? Обжевал близняшки краеведческого музея. И на иделю раньше срока приключилась в степь.

— Карлович, нуужели она тебе не надоела!

— Надоела! Степь — это такая сложность...

Жизнь степи кажется незатейливой. Куст колючий, ветви ильма, только на зяме. Там выгледает одна тысячелетняя назда. Так выгледит и сейчас? Так, да не совсем — и лисий след ремей, и истреба не часто замечать.

...В одну из поездок Улдис увидел редкую теперь птичку — двору. Она была мертвая. Неподальше лежала другая. Улдис побоялся дальше и на небольшой расстоянии обнаружил десятки погибших дворо и назарок. Кругом валялись отравленные

фосфором щипка зерна пшеницы, их рассеивая в поле. Так распухавший стал станция заступник растений бархатца с сусликами.

Уддис нагнулся раскопал в забитых растительным мусором ярусах в расщелинах суходурных аэриформ.

— Какое было прекрасное состояние. Защитный растительный покров спасал его, само время, что делал прелесть. Пришлось так стараться уплатить семсот рублей штраф. Фамилия Княкина так слышится не забыть.

— Да, благодарю вас до дела — сраны-аха...
Белая от пыли дорога...
— Мы почти дома, Карлович, Перескут?
Уддис с готовностью кинул. Вдруг оба услышали далекий гулуж звук.

— Ну, Петр Егорович!
Княикс выскочил из машины. Звук не повторился. Уддис разглядел в бинокль еле различимый сустан пыли.

— Удди!
Минут через пятьдесят нагнали всадника. Бронксер почти не пытался бежать — три тула убитых сайгаков, но-как пригнороченные к седлу, все равно помчались бы с собой.

Уддис спотыкнулся бы сарьбы.
Он заглянул в банк протокола, а бронксер, попиной ступуляч чабан, не спускал с него уныженного молчаливо взгляда. (За каждого убитого сайгака штраф 150 рублей). Но поспрсить госотосинспектору о синдиксиде... Но поспрсить госотосинспектору о синдиксиде... Не в степи узнают: неумолим и непоуздан Княикс.

Далеко товарищи из инспекции говорят порой Уддису, что он чересчур горяч и жесток. Эти разговоры кажутся ему прелестью. Абы только захотите быть добрыми! — принареет он ребят к стенке. — С браконьерами и так все слишком добрыми.

— Браконьеры удрают от охотинспекторов куда еще, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

Сколько не удаётся догнать!
Но из степи протоколов, составляемых Княиксом и другими инспекторами в течение года, лишь единицы оказываются в суде. Большинство стареющих выкрутятся любыми путями, да и милиция не любит «всёгда» дел: больше знают, а из-за чего? Сайгаки ведь, не люди.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

— Уддис записали одно из задержанных. Вакансия, так пароксизм, аэриформы, «Волга», «УАЗ», мощные «ГАЗы». Как правило, это государственные автомашины.

прыгнул в машину и помчался на спущенном колесе и ближайшей ферме за погоню.

Вынагле и уголовно наказанно суд приговорил к тюремному заключению, так же поповолнения в отставке Черничко, капитан милиция Виталий Воровку, выстулители в Министерстве Сиделете. Это была вопиющая несправедливость. Уддис нагнулся в Месску, Генеральному прокурору. Суд приговор пересмотреть дело.

За ходом нового разбирательства следил все правительственный аппарат. Уддис узнал, что дело ривариовало и штраф в 250 рублей, — многие обиделись.

И опять грянул в степи выстрел. В конце концов не найдя бронксер нарывается на инспектора, который нагнулся нагнулся в Месску.

— Не хватало, решили у брошоной кошары. Влезли в спальню машины. Ночь стояла безлуная, черная. В сухой траве рылся ветер.

— Ну, что мушкетеры, Карлович!
— У него, наверное, есть дело! — Уддис такжоздало... Значит, зачем я влезил ему всех трех сайгаков? Ведь жалко мне его, жалко.

Он терзался, но знал, что в следующий раз посетит точно так же. Трудно иногда быть добрым. Ему не спалось. Включил, встал в машине лопатой, выкопал маленькое окошко. Сюда он заглянет перед зарей, нарисуется лапца-палаткой и будет терпеливо ждать. Может, повезет, и сайгаки подойдут. Ближе. Они смелее. Сайгаки — больше всего за тысячу метров замечают опасность.

Но если не шевельтся и ласково просить их про себя: «Подойди поближе, красавец...» Ештербе, пожалуйста! — может получиться слепящий удар. — Петр Егорович! Сайгаки — человек жадный, когда появился Уддис. Обычно он не ходит, а бегают, а ту просто шел.

— Что, не повезло, Карлович!
— Как будто не повезло. Сайгаки — человек жадный, когда появился Уддис. Обычно он не ходит, а бегают, а ту просто шел.

— Это можно пережить. В другом повезет, — подмигнул Волохов. Он начинал лютую тему моего дая.

— Как будто не повезло. Сайгаки — человек жадный, когда появился Уддис. Обычно он не ходит, а бегают, а ту просто шел.

— Нет, ты, Карлович, не шути и разговор на другие рельсы не переводи. Ты мне прямо откровенно. Или хочешь, чтобы я тебе рассказал?

— Не надо сейчас об этом. Ладно, Петр Егорович!..

Уддис крутанул голову. Светлая прядь волос упала на темную бровь. Бровь.

— Ах, и теперь мы сейчас еще в честь твоего рождения, товарищ Волохов!

— Они эдакий шельм дел и не обнаруживают признаков подлого. Он сейчас повеласовался. — Волохов, крутнул стая Княикс еще не встал. Значит, корма много всуду, иначе антилопы разбегались бы на маленькие табуны. Он лиловал.

Вечером подыкались к деревянной топографической вышке. Уддис взобрался с биноклем на самый верх, долго смотрел по сторонам.

Волохов вздремнул. И вдруг услышал: — браконьеры с прожектором!

Есть такой варварский способ уничтожения сайгаков: табуны выгоняют в степь, а прожекторы светят на них. Сайгаки бегут, а прожекторы светят на них. Сайгаки бегут, а прожекторы светят на них.

— Глупизм шел без огней, с прибором ночного видения. Это позволяло довольно близко подбираться к браконьерам. Их гружало двигалось медленно. Жидко шарил по степи яркий луч света.

Но друг браконьеров оставался глухим мотор. Поиску погону, прислушались. И بشено равняли вперед.

— Петр Егорович! Включай свет — нас заметили. Начался уже погоня.

За рулем грузовика сидел опытный водитель. Он выписывал немилые повороты, бросал машину из стороны в сторону. Волохов висел у него на хвосте, но подойти вплотную мешали густые туманы.

В кузове грохотались две фигуры. Голова злодеек видны тонкие сайгаки ноги.

— Петр Егорович, нажми!

Он выстрелил из ракетницы: «Становитесь!» Грузовик набрал скорость. Еще выстрел ракетницы. В ответ «го-го» в кузове элечили прожектор. Его свет бил в лицо.

— Петр Егорович, ближе, еще нажми, еще!

Две машины, ревя, мались по бездорожью. Прометростом стол, полосушности, свободной рукой злодеек держали за бор. Осветительный свет и пыль не позволяли больше глядеть приблизиться им на метр.

— Мы должны их взять. Ну, ты же можешь, скорей!

— Надо бы осторожнее, Карлович! Видишь, они озерели.

Уддис ничего не слышал — грузовик уходил. Он свистел, каренно поднимаясь в воздух. В ответ из кузова раздалась два или три хлопка.

— Убе блядь! — крикнул Уддис. — Сейчас мы их возьмем! — И тихо добавил: — Сейчас.

— Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

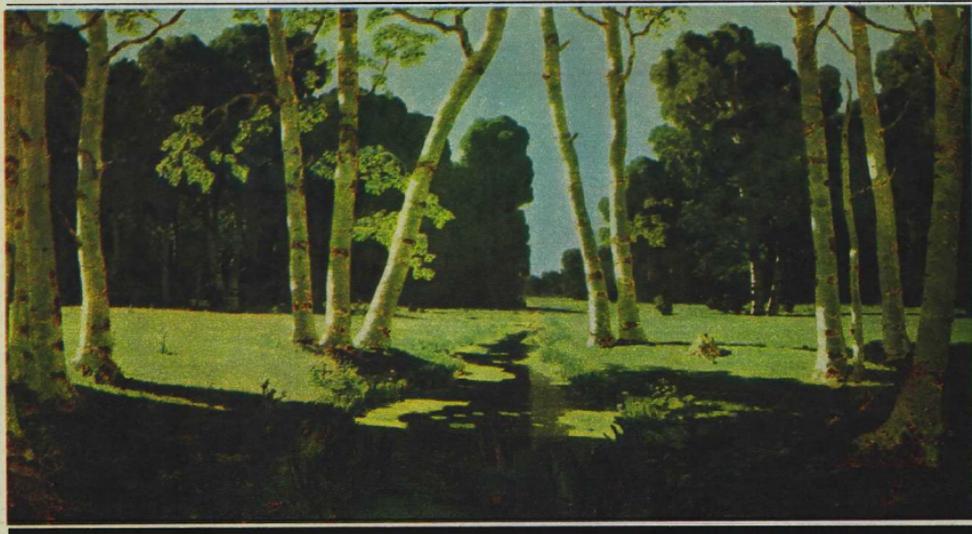
— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

Волохов резко затормозил.

— Ой, мама, — простонал Уддис и медленно, беспомощно навалился шефору на плечо.

— Волохов! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен? Карлович! Ты почему не стреляешь? Ты не ранен?

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Его любовь к природе была совершенно особенной: он ходил по земле, боясь примять траву, наступить на муравья, он не разрешал срубать сухое дерево — из уважения к его старости, не мог спокойно смотреть на воробья со сложенной ножкой — тут же принимался его ловить. Сентиментальность? Близко знавшие Кунянджи люди говорят о другом — о совершенно необычном ощущении им природы. Он и видел все не так, как окружающие. Однажды художники, в числе которых был Репин, собрались в физическом кабинете на университетском дворе, где по инициативе Д. И. Менделеева и физика Ф. Ф. Петрушевского был поставлен опыт: с помощью нового прибора измерялась чувствительность глаза к тонким нюансам тонов. Оказалось, что Кунянджи мог соперничать с прибором в точности.

Его не раз называли колдуном и волшебником, причем далеко не всегда употребляя эти слова в метафорическом значении. На это были основания. Его искусство поражало возможностями, которые были недоступны никому другому, ему ведомы были сокровенные тайны природы, которые помогали открывать новые законы искусства.

В 1880 году на Большой Морской в Петербурге, где находилось Общество поощрения художеств, в течение нескольких недель непрерывно вереница карет загораживала улицу, масса людей толпилась у подъезда и на лестнице в ожидании, когда откроется заветная дверь. Порядок устанавливал большой коренастый человек, внешность которого заставляла вспомнить Ассура — бога ассирийцев или Зевса Громовержца. — сам Архип Иванович Кунянджи. Он провозжал людей в комнату

с завешанными шторами, где была выставлена его картина. Она висела в темной раме, делавшей ее неотличимой от затененной стены. Каждый, кто смотрел на стену, не понимал сразу, что перед ним картина, казалось, что стоишь перед открытым окном и видишь вочую черные воды Днепра, прорезанные лунным светом, темные силуэты домов на берегу, огонь костра, который безуспешно борется с победоносным сиянием луны.

Иллюзия была настолько полной, что в комнате как будто чувствовалась свежесть речного воздуха, слышался плеск волны у берега.

Несмотря на бдительный взгляд художника, находилось немало желающих дотронуться до картины — уж не спряташи ли под логотом азиатичка ланчочка, а может быть, в краску вделан кусочек блестящего металла? Несколько раз во время выставки Кунянджи пришлось подновлять протертое полотно.

Казалось, искусство перешагнуло за грань вероятного. Художник Крамской обращается в газету «Новое время» с просьбой опубликовать нечто вроде протокола для будущего: краски на картинах Кунянджи могут со временем измениться, потускнеть, пусть же знают потомки — «Ночь на Днепре» вся исполнена действительным светом и воздухом, река действительно совершает величественное свое течение, и небо настоящее, бездонное и густококое. — Я не мог отделиться от действительного раздражения в глазу, как бы от действия света...»

В устах художника-реалиста слова эти могли значить только одно — выдвигалась лицензия на чудо. Однако участь людей, способных творить чудеса, никогда не была легкой.

Сколько самых неожиданных и порой несправедливых толков вызвала «Березовая роща», написанная в 1873 году!.. Никто

Илья ОСИПОВА

не отрицая силы воздействия этой картины, добавляя, под сомнение принадлежность ее к искусству как таковому.

«Кто же картина, с этого надо картину писать?» — так передавали слова всегда доброжелательного Шишкина. И растолковывали: «Березовая роща» — картина, где соблюдены законы пейзажного жанра, все сделано наперекор этим законам, но вещь по-своему замечательная, глядя на это полотно, можно было бы назвать хорошей пейзаж».

«Это действует так же сильно, как реальность, но у искусства другие задачи, и воздействие его должно быть иным.» «Горючести леса, как страшный сон, которого не забудешь» — так говорил Крамской, противник пейзажа.

«Эффект убивает здесь искусство», — твердил пейзажный Клодт, ставший в пору ревнивателя подлинного искусства, в качестве «возманира» самого новоявленного «художника» Шишкина.

В публике распространялись слухи, что Кундзики, как древний алхимик, изобрел «данную краску» и написал ее свою «Березовую рощу», вот почему приходится гадать, что здесь изображено: солнечный день или лунная ночь.

Художник не участвует в полемике, но она его задает. Он пишет «Утро на Днепре», где некая думка, ни солнца, ни облаков, речные дали затнаты утренним туманом. Но что-то замолкло в его душе, после 1882 года он замолкает на протяжении почти двадцати лет, вплоть до смерти, продолжая рисовать в мастерской, он ни разу не выставился и никому не показывает свои полотна.

Что про него знали? Что он живет в собственном доме на Петроградской стороне и что на крыше у него устроена баня. Каждый день, когда пушки Петропавловской крепости возвещают полдень, он поднимается сюда кормом для птиц. Со всего города слетаются голуби, воробьи, он разговаривает с ними, летит их, синопичи, радостный. «Птицы признают во мне своего избранника», — говорит он одному из своих друзей.

Он берет деньги с женой на скамьях, ипподроме, рынке, не жалея денег для помощи нуждающимся молодым художникам. Его ученики в Академии художеств относятся к нему почти как к святому. Весной, когда он увещает для помощи талантливой молодежи. Уже для современников его жизнь стала легендой. Можете ли вы считать, что знали секрет этой жизни? Секрет этого дарования? Секрет этой души?

Лесная дорога бегает прямо на восток, на солнце. Конеч мая, лето еще не вступило в свои права окончательно, но все вокруг говорит о его близком торжестве. Время бегает к полудню. И впереди встает туман, и от них не падают тени. Набегал ветер — в нем вдруг затрунели, задрожало беглым блеском. Сквозь листву прорвалось солнце, и как же осветилась странная мерцающая суета! Он совершенно необычен — свет, напоминающий лунный, — иначе его не определишь. И сразу вспомнился «Березовая роща» — это «горючести леса» и то же искусство, призрачный свет, который залил свое полотно художник, он не пригнул его, он нашел его в лесу, еще не летнем, но уже и не осеннем, в переходные часы — от утра к полудню.

Вот один из вариантов переосмысления, чтобы передать свое открытие, — пять или шесть, и все отверг. Вещь первый план картины он погрузил в тень, создал верхушки деревьев на среднем плане (разве мог позволить себе подобие Шишкина или Клодта), деревья заднего плана, открыл силуэт, злила одной темной краской — как это делали народные художники в оловографических картинках, — все для того, чтобы создать контраст, чтобы пространство картины, прозянуть его светом — удивительным, напоминающим на всю жизнь.

Кундзики не думал о том, что нарушает законы пейзажного жанра, потому что не знал, что это страсть, он должен был найти способ передать того почти загадочного явления, которое наблюдал в природе, должен был создать свой эквивалент солнечного сияния.

Контраст, а следовательно, образ. Заросшая чертополохом тропинка выводит к нему неожиданно — и дух захватывает от открывшегося вида, внизу река, а дальше затинутый светом полдень моря, сияющего с небом.

Наверное, бывает место красивее, но это замечательно тем, что воспитало глаз и душу Кундзики. На этом образе да ссылок Карсавина, в том же полемике, проделано его искусство, только взглядается в расклеванные солнцем дали, чтобы вдруг понять...

Вот откуда и его полотно это так взгляды с высоты орляного полета, это стремление, и панорамности — вспомнить «Берега в Крайнем», «Ночь на Днепре», «После грозы». Да и в «Березовой роще» — хотя здесь всего несколько деревьев на опушке —

благодаря же выстиганию композиции и панорамному построению ее создается впечатление большого пространства, напегенного воздушным.

Вот откуда это стремление к иллюзорной четкости предметов, отдаленных расстоянием. Здесь, на этом образе, рождалась зоркость его глаза, та зоркость, которая воспринимает рельефную очерченность предмета, находящегося вдали. Солной, горячий воздух не размывает очертаний, но аскает их еще более резко.

«Не ради эффекта, не для того, чтобы поразить зрителя», писал Кундзики свои иллюзорные пейзажи, он следовал постигнутому с детства законам природы, и с рисунком ему темпераментно стремясь к пределам возможности нечеловечески. Он как будто спорил с самой природой, создавая свою картину.

Здесь определилось то, без чего он не мог стать художником, — это любовь к природе. Нет, она не была для него красивыми видами, — вышесмысленными закатыми и перламутровыми рассветами, которыми он ребенком любовался. Сын греша слеповидца, он и слеповидцем стался сиротой, предоставленным самому себе. Природа шло надлежала его иллюзорной силой, добротой, ценям, необычайно чувствительным к цвету глазам. Он сам был этой природой, и все вокруг было продолжением себя. Он не мог рвать цветы и мять траву — это было все равно что прирывать себя самому себе; птицы и звери были его друзьями; молнии, разрезающие черноту ночи, радовали его, как будто это он сам запускал их во тьму.

У него не было других учителей, кроме природы. Почему-то принято считать, что Кундзики учился у Айвазовского. Подростком, в новоявленном возрасте он познакомился с ним, у дома прославившего мастера, но этого не было в городе. Несколько месяцев Кундзики помогал дворнику, крася забор, причем, за это время успел скопировать у него полюбившиеся ему картины. Потом в Петербурге, где нашли признание несколько самостоятельно выполненных им пейзажей, он выхлопотал для себя возможность посещать вечерние рисовальные классы в Академии художеств, но всерьез не учился. Он понял, что собственные наблюдения дадут ему больше, чем указания преподавателя. Ему совершенно не было свойственно «головоное» отношение к искусству, худшее и плохое делал выучки, копирования мастеров. Он «запарился» не признавал никаких традиций, — ломил, что называется, вовек и даже оскорблял иногда традиционные святыни художественного культа, считая все это устаревшим, — вспоминал Рунин. И это шло от природного органического чувства взаимосвязи с своей землей, с миром и от той новоявленности своего, уперенности в себя, которую давало это чувство.

Противники укоряли его в «соичности» пейзажа, просили признавать, что «Березовую рощу» не в лесу он писал, а «сонячил», сидя в мастерской. А Кундзики возражал, что это так и должно было быть, художник и не должен делал этого, а картину должен писать обязательно в мастерской, иначе он погрузит в частности, забудет в мелочах, — картина создается всею жизнью, а не наблюдением отдельных элементов.

Раба Кундзики над этими и всякими говорит о неистовости его в поисках общего, характерного, того, что мы называем типическим. Мы и сами себе не всегда отдаем отчет в том, что «Березовая роща» воздействует на нас прежде всего не эффектом мерцающего солнца, не чудотворнейшей силой светящихся красок, а подлинностью самого существа, самого характера русской природы, чистого роста души.

Недаром эта картина стала крестоматиями, недаром обрела для каждого любящего Россию право символический смысл.

В этой картине есть «внутреннее» — так сказал бы сам художник. Когда ему нравилось себе или же чужое произведение, он проносил неизменно: «Здесь есть внутреннее». Он не понимал этого слова, да этого и не требовало, потому что так и ушел бы и другой человек. Внутреннее — значит не просто чувствование, но и прожитое, ставшее фактом жизни.

Да, каждое произведение Кундзики — это факт его жизни и вместе с тем — это проявление его великого, что может достичь прорада через человека.

Мария РОМАНОВА

МОЙ ЛЕС

Откуда нежность поросли твоей
И старая сучья нелга мохнатая?
Как сохраняи ты ходоков дождей!
И эту сладость знойных жаровей!

Мой лес! Одноконечно мое!
Мое соучастие и бескорыстие!
Откуда тебе такое чутье!
Откуда говорюк правдивый!

Как горячи объятия ветвей
Июльским солнцем прожженной хвои!
О лес! Прошу тебя, не жалею,
Что мне досталось горести с маяком.

Ко мне ты вольна с лаской и тиши
И не пом делительным меньшинством.
Не ушибай, прошу тебя, в тени
Мои ошарки, срывы, прегрешения.

Не бойся, что упрелю не прыму я.
Ты выговорю все мне направо!
Не утравляй меня в зеленых недрах!
Друг спорит. Потанает недруг.

Всё так ясно и так горячо, ошутливо,
Словно всё это — Биль, словно всё —
Мои тропы потеряны... Прощи где-то
Имму.

И уставлю присела в густую траву.
И приключу твою, может, птичку —
Может, летнего леса хвалительное плавание,
Что в лесной несочетанной связке

Твое сердце отнято жару. Оттошью...
Задорожани в глазах твоих радужны
Зависаю жизнь — родничок голубой.
И в жельтевых дровах метель —

Замела нас двоих. Занесла с голубыми

Может, кто-то связывает, что можу друг
Нет ни радостных встреч и ни пламенных писем.

Может, кто-то судучит, что это любовь
Не бесценный алмаз, а дешёвенький бисер.
Может, кто-то называет это самым самым
Бесплодным монашеским глупым обетом.
Как была бы в счастья этом токсном,
Если б знала: твое сердце толкает ответно!

Может, кто-то судучит, что это любовь
Эти расписки: смини прожогли
Ты берё, асли хочешь, бери.
Первый троп и отдашь тебе раба.
Перечислю тебе названья ио самым самым
Буйшьёвые немцы азербайджанцы.
Всю поющую златую апрель,
Может все это — от златой до златой
И вступит в мою счастия берё!

Эти немцы — званые даны
Ими не званый бутангар.
И расписки: смини прожогли
Ты берё, асли хочешь, бери.
Первый троп и отдашь тебе раба.
Перечислю тебе названья ио самым самым
Буйшьёвые немцы азербайджанцы.
Всю поющую златую апрель,
Может все это — от златой до златой
И вступит в мою счастия берё!

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Зима, белоснежная скываша шифу.
В рощан упожила свастия надежи.
Хоть спит еще солнце, но лезет в свету
И ветки не ошарит и вланы и вланы.
Туман чуть заметный плывет волоком.
Как скорлупа, тишина расколосилась.
И птички зашаркали над самым самым
Еще не окрепшей, застенчивой серою.
Еще непонятное зреть в душе.
Несмысленно туманная полнота сердца.
А утро весеннее — глянь-ка! — уже
Воссю расписливо волбошную дееру!

ПРОРЫВ

НАУКА: ГЛЯЦИОЛОГИЯ

Сергей АБРАМОВ,
Виктор САКК (фото)

Извержения вулканов на Камчатке и на Курильских островах. Землетрясения в Перу или в Пакистане. Гигантские волны тисоокеанских цунами, обрушивающиеся на Японской архипелаг. Алма-этинские сели. Неистовой ярости ураганы, проносящиеся над Америкой. Все это носит лавоночное и сухое название: стихийные бедствия.

Бедствия... Сегодняшняя мировая наука еще не может, но умеет сказать, когда, где, с какой силой стихия вновь вступит в единорство с человеком. Но именно сегодня вулканологи пытаются извучать забвено законномерность извержений. Ученые пробуют предсказывать землетрясения, и опыт показывает, что к их прогнозам стоит прислушиваться. Высочайшие приборы службы цунами предупреждают об опасности задолго до прихода волны.

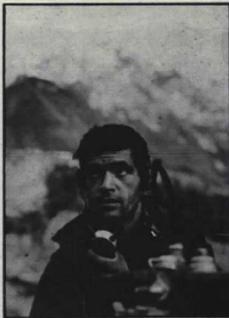
Десять лет назад памирский ледник Медвежий перегородил долину притока Ванча, и когда скопившаяся

за ним вода прорвалась и устремилась к поселку, убытки были большими...

Движение ледников — явление закономерное. Оно объясняется не какими-то внешними факторами, а неустойчивостью самих ледников. В самых разных местах планеты внешние склоны, иногда даже ситывающиеся полумертвыми ледники «оживали», двигались, несли за собой потоки воды, лед, сели, разрушали дороги, посели, поля: на Памире, в Альпах, на Кавказе, в Тянь-Шане, на Камчатке.

Ледник Медвежий — это Памир. Это снежный водороспосоки геологов, размытый аэродром, поврежденные линии электропередач. Это семь миллионов кубометров воды, а ситывные часы прошедшие почти сто километров до районного центра. Это — стихийное бедствие.

В Институте географии Академии наук СССР разрабатывается теория пульсации ледников. Гляциологическая экспедиция института, возглавляемая доктором географических наук Тисимом Дмитриевичем Долгушиным, наблюдает за Медвежьим как раз с 1963 года — с момента прошлой подвижки. И именно эта десятилетняя научная работа позволила почти за год до начала новой агрессии Медвежьего предсказать ее. Строго говоря, Медвежий ведет себя последовательно: движется каждые десять—двадцать лет. Это законмерность, подменная еше

ЭТО И ЕСТЬ МЕДВЕЖИЙ...

РАЦИЯ НЕ УМОЛКАЕТ НИ НА МИНУТУ...

ВОДА НАЧАЛА АТАКУ.

стариками таджиками. Но впервые в его истории подвигка была предсказана с точностью до месяца. Осенью 1972 года американской и советской высокогорной экспедиции обнаружили необычно высокие скорости движения в средней части ледника, где на его поверхности образовалась волна, перемещающаяся вниз по языку. Все это повторяло явления, происходившие на леднике десять лет назад. Вывод напрашивается сам собой: ледник должен поопоздать.

Подтверждение этому, увы, пришло слишком поздно. Прошлая зима на Памире была многоснежной, и дорожки к поселку геологов открывались лишь в середине апреля. Но в середине апреля язык Медвежьего уже подошел почти к самому лагерю, перегородив долину Абухаусера. Отряд Таджикской гидрометеослужбы, геологи, москвичи из группы Долгушина сумели попасть на ледник только в начале мая: перевалы были закрыты и для машин и для авиаторов, а попытка добраться до Ванча в обход — через Ош, Мургаб и Хорог — слишком затянулась. Медвежий капитально заперевал реку, и уровень воды в подпруженном озере неосторожно поднялся. Оставалось одно: ждать прорыва.

Прорыва пришлось ждать долго. Мы прилетели в лагерь уже тогда, когда здесь о возможном прорыве говорили с раздражением и неохотой. — Надоело, — жаловался начальник экспедиции Таджикской гидрометеослужбы Анатолий Санников, — рация не умолкает: когда прорыв! Телеграммы только об одном: назовите сроки прорыва. А мы что, баги? Это они о сроках всамделишного прорыва были осведомлены, а мы и о своем районном потоке ничего толком не знаем.

В лагере привыкли к ожиданию опасности. Привыкли настолько, что забыли о ней. Ежедневно измеряли расход воды в реке, уровень озера, принимали скорость движения ледника, уходили в горы с тяжеленным оборудованием, вели фотодокументную съемку, летали на МИ-8осьюмом над озером и к месту отрыва языка от ледопада.

Командир восьмерки Игоря Иванова (истат, один из опытных вертолетчиков республиканской армии, так может летать над ледником с закрытыми глазами.

— Я здесь каждый камешек изучил. На ощупь машину посажу...

Порой так и приходилось — на ощупь. Когда высматривал десандт за Медвежий — в двух километрах от озера, то стель было некуда: кругом снег, глубокий и рыхлый, и только рядом — деревянный мост через реку. На нем и поставили две палат-

В ОЗЕРЕ — 15 МИЛЛИОНОВ КУБУМЕТРОВ ВОДЫ!

ки — лагерь «Озерный». Не «Астория», конечно, но жить можно. А главное, дело радом. И три гидрологов измерили расход воды в реке, уровень озера, ежесекундно приоткрыли воду в ящике, передавали цифры на базу по рации.

Цифры пугали. Вода прибывала в озеро со скоростью 3 кубометра в секунду. Скорость движения ледника — 4 метра в сутки. Десять лет назад прорыв произошел в момент, когда в озере было семь миллионов кубометров воды. В начале июня этого года воды в озере было вдвое больше, и приток ее не прекращался.

Вдвое больше воды — вдвое больше разрушений. Логика неутрачена, но допустима и попятная. Завакуировав аэропорт в Ванче; жители кишлаков, расположенных вдоль долины Ванча, готовили бой по сигналу тревоги уйти из опасной зоны; перед Ванчской ГЭС строилась водоотводная дамба. Да и сами участники экспедиции перебазировались из домишек геологов в палатки на высокую террасу. Впрочем, они скептически относились к тому, что провалявшаяся волна может снести лагерь.

— Ты видишь тон де арнт? — Санников указал мне на три огромных

дерева, стоявших на окраине лагеря. — Ми лет сто, не меньше. А Медвежий гуляет раз в десять лет. Так сколько они прорывов пережили! То-то и оно...

Арн уверенно напомнил о неизбежности наших позиций, но угроза прорыва от этого слабее не становилась. На участке между долинками рек Дустиро и Абухаусера вода почти вплотную подбиралась к поверхности ледника. Говорили: еще несколько дней, и она выйдет на лед, размоет его, а в образовавшемся русло хлынет все озеро.

Долгушин возражал: прорыв пойдет поперек ледника через внутренние трещины в зоне наибольшего растрескивания. Там было в 1963 году, там будет и сейчас.

Мнения разделились, и сторонников первого варианта оказалось больше: он казался безопаснее и потому желаннее. В самом деле, поток воды размоет верх ледника, но язык продолжит двигаться, подливать воду, сдерживать прорыв. Так можно предположить, что озеро неопорно и безопасно перельется через ледник, лишь немного увеличит расход воды в Абухаусере и Ванче.

Так предполагали, а прав оказался Долгушин.

19 июня, в годошнюю десятилетие прошедшего прорыва, начальник геологической партии Владимир Ецов вводит группу для обследования перемычки у озера. В восемь часов — крик из палатки в рацию:

— Вода уходит из озера!
— Река, грязная, серо-орнивая, всплывает внизу под обрывом. Это еще не прорыв: вода ищет выход в расстрескавшемся теле ледника, пробивает себе дорогу. Связь с озером идет непрерывно. Оттуда передают: уровень озера падает со скоростью до полуметра в час. Но если суматоха прибавляется волнения за группу Ецова: прорыв может отрезать ей путь к лагерю. Однако опасения напрасны: группа взвращается, перекидывает воздушные реку по лавинным конусам. Ночью, конечно, никто не спит: ждут атаки.

Она началась утром: с грохотом артиллерийской канонады вырвавшаяся из ледного впаля водная волна яростно понесла вниз по долине. Ледник рухнул, осипался, и вода безразличней взрыв сил канонады бросилась перемычку у Ванчской ГЭС: большая вода обидет водозборы по своему старому руслу реки. В Абухаусере, в Туркмении тоже ждали «аварийную» воду Ванча...

К прорыву долго готовились, и поэтому он не принес с собой больших разрушений. Да и напор воды оказался слабее, чем ожидалось. Она благополучно прошла, ледник оставил после себя мертвый лед, и на десять — двенадцать лет успокоился: это уже известно. Но неужели через эти десять — двенадцать лет мы снова будем читать скучные строчки тревожных сообщений с Памира о новом стихийном бедствии?

Доктор географических наук Л. Д. Долгушин предложил способ борьбы с Медвежьим: направить реку через тоннель в скалы или через трубу большого диаметра так, чтобы вода уходила в долину ниже отметки ледника.

Для Медвежьего это — один из возможных решений проблемы. Но одним Медвежий не ограничивается: список движущихся памирских ледников. Вот когда Таджикскому нужен свой собственный институт, который бы не только изучал ледники, но и разрабатывал способы защиты от катастрофического явления — подвижки ледника, которые носят лавинное и сухое название — стихийное бедствие.

ЗЕМЛЯ ИСТИННЫХ

Для продолжения игры было необходимо, чтобы они поверили ко мне всякий интерес как к объекту наблюдения по делу Гуре. Исчерпала себя как экзотан. Стать для них героиней, привычной Ритой, полномочным агентом номер 423.

Я наблюдала, прислушивалась, размышляла, всеми возможными способами добывала, восстанавливая то, что стёр в свое время мой ДЖК. Помимо всего прочего, это было любопытно и в аспекте моего эксперимента. Так, например, я изучила у Шефа разрешение присутствовать на занятиях спиджамом и убедилась, что усваиваю все гораздо быстрее других, будто я и в самом деле не познано заново, а лишь восстанавливаю в памяти забытое. Рита продолжала жить во мне. И вместе с тем я отчасти помнила все, что должна была помнить Ингрид Кейн. Мне пришла в голову забавная мысль: а что, если Рита настолько «восстановится», что начнет бороться с Ингрид Кейн и в конце концов вытеснит меня по праву принадлежащего ей тела? Но это предположение было скорее из области юмора. Рита воскресла, чтобы помочь мне. Чтобы, воскресая, тут же становиться мною. Так же как и становилась ею.

Мы превращались друг в друга.

Вообще я неплохо проводила время. Здесь были отличные спортивные площадки, бассейн, вкусная еда и много массажи. В свободные часы я от души развлекалась, наслаждалась преимуществами второй молодости. Через день составляла отчеты — других обязанностей у меня не было. Несколько раз вызвала Шефа, заводила разговоры на самые отвлеченные темы. Видимо, это была своеобразная форма проверки — он присматривался ко мне.

Однажды я попыталась спросить у Гуре — Шеф несправедливо пошла плаванием и заговорила о другом. Отмолчалась? Или Гур действительно больше не интересовал ВП? Не все ли равно! Важно, что он интересовал меня. Что это было — любопытство Ингрид Кейн или симптомы болезни Риты? Или и то и другое? Я знала одно: мне интересно жить, поскольку меня интересует Дэвид Гур.

И вот, наконец, долгожданный момент. Медицинское обследование и специальная диета, где в течение двух часов мне задают самые каверзные вопросы. Я отвечаю без запинок — ни одного вопроса в памяти! Меня признают абсолютно здоровой, я окончательно становлюсь Ритой, полномочным агентом ВП № 423. После этого меня вызывает Шеф. Думаю, что за новым назначением. Никола бы не поверила, что на 128-м году жизни приобрела такую профессию. Забыла!

Я полагала, Рита, тебе сейчас следует немного отдохнуть. Спустился в город, размяклась, делай, что тебе нравится. Когда понадобится, тебя вызовут.

Во мне мелькнуло подозрение — дела складывались слишком уж удачно. Но глаза Шефа смотрели спокойно и доброжелательно, а в уголках тонких губ я впервые заметила некое подобие улыбки.

— Ты свободна, Рита.

— На этот раз я расспрашивалась с ним вполне по форме. Уже через полчаса фуникулер вез меня вниз.

Прошло несколько дней. Я отдыхала, поселявшись в отеле на берегу моря. Днем купалась, загорала, а вечером аэробус за сорок минут доставлял меня до Столицы, где ждал Уито. Мы неплохо проводили время. С ним я была не Ритой и не Ингрид, а Николь Брандо — смалитившей девочкой без определенных занятий. Я улетела даже полость в прессу как одна из приверженцев теннисных состязаний — сказались регулярные тренировки «наверху». Еще одно подтверждение версии о «выздоровлении» было для ВП как нельзя более кстати. Особенно сейчас, когда мысли Ингрид-Риты были как никогда заняты Дэвидом Гуром.

В цирке он больше не выступал. В Бюро Труда мне сказали, что сейчас Гур — ведущий-наставник рядовой участник развлекательной программы в небольшом вечернем ресторанчике на окраине Столицы. Он ушел из цирка по собственной инициативе, чем очень удивил сотрудников Бюро. Ведь его «сансы» типологически правятся глубине и приносят Гуре немалый доход и популярность. Снег

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

моща слышна, висящая на стене безыскусной плитой взгляда из прошлого Ингрит Кейн. Я расселся по кондиционер, про жидкость с запахом хвоя, про то, как чихнула комната.

— Если бы знать, что дверь можно было открыть просто так...

— Это мы только ЧЕЛОВЕК. Я сюда нужным переселюсь.

— Чело-век,— повторил он.— Я был единственным на Земле-Бета. Адамом. А теперь вот ты... Ева из ВП.

Он хрипло рассмеялся.

— Что он такое говорит?

— У нас это назвала «болезнью Гура». Давня, что со мной?

— Хотелки не смогла найти барсуку яру и решила справиться с ней у самого барсука.

— Если ты думаешь, что меня подсырала ВП... Давно рассудились, что ты не такая, как все нормальные, значит, во-первых, не являюсь полноценным агентом. Во-вторых, я же для них ценнейший источник, единственный в своем роде объект для изучения «болезни Гура». Зачем им было отправлять меня одну прямо тебе в руки?

— И все же тебе отступила...

— Просто я их убедил, что здорова. Обманула ВП, что не испытываю тоски, что не страдаю.

— Но если ты их убедила, что здорова, то тебе снова можно использовать как агента. Не так ли? Твоя работа требует по шам.

— Пришлось предвзять посылки комар.

— Или еще комар. Или в твоих руках. У тебя всегда есть возможность меня убить. И если мы перед тобой обменяем информацией, ничего не изменится, правда? Только, пожалуйста, не надо отходить от меня, а Дэвид...

Гур потерся щекой о плечо, склонил на меня глаза.

— Где жет Кошда?

— Если выспираться неосозданно, как нужно, и в прохода в сое' де помещение (на этот раз через обычную дверь). Я услышала шум алодейки из края вью.

Гур вернулся с нагловоим стаком, молотом то уда, «просто, чтобы прибраться, да поубавить отпавшую протрапу стана мезе.

— Это «что-нибудь другое». Ты умирей черев два часа после того, как это вышло. Мгновений парадет стрел, абсолютно безболезненно. А я за эти мгновения успел удовлетворить твою любовьство. Идет?

— Вот и все. Я отлично понимала, что Гур никогда меня отсюда не выпустит и его предложение в адекватной ситуации, а лучше для меня выход. То, ради чего я сюда пришла, ради чего жила эти два месяца, сейчас исполняются. Барсук по-прежнему охраняет свою яру и убьет окоткина. Забыла кому зашла.

Я взглянула вверх. Жидкость оказалась безвкусной, и я вышла с удовольствием, так как хотелось пить.

Гур усмехнулся.

— А ты впарываю изменения. Прежде ты пришла жизнь и интересовалась лишь тем, чем тебе прикажывают интересоваться. Ты была на реальность нелюбопытная, Николь.

— Я не хотела. Без воссмадания четере.

— У нас не так уж много времени.

Он с интересом разглядывал меня, почти позволяя голову на плечо.

— Я не понимаю, куда ему вопрос: «Ты когда-либо встречалась с Ингрит Кейн?»

— Хорошо,— сказал он.— Помед.

Я убедилась, что дверь в стене ой улеток котривалась кудом Ветста, значит, я им оказалась в помещении с таким же пыльным потоком, только гораздо матернее. Огромный кул из сербристого материала с холодным блеском. Вальд стел провоздился локля, слышно заставлявшие

кажется чем-то необыкновенным. Обозначено на Бороме озера.

«Пулунеюе горы. 4—VII—37 г. Пшшу это письмо около могилы Пулунеа, в Святоторском монастыре. Могилы очень простая, все в цветах, вокруг цветов — вековая земля. Здесь, в Михайловском, все полно громадного количества этого растения, и теперь монотю, почему Пулуна так любил это место. Ничего более монотюного, чем эти места, не видел я никогда. Коралловые сосновые леса, озера, холмы, пески, вереск, чистые реки, трава и, главное, очень прозрачный и душистый воздух. Здесь много пчел и пчелы. Заповедник почти безлюден, но охраняется очень строго, даже в летнее время можно ходить только по тропинкам, и потому растительность здесь пышная и дивная, цвели на озерах подпускают к себе почти вплотную, в озерах масса рыбы (ловить разрешается).

В самых глухих местах, в лесах, на косогорах, на берегах озера стоят почти вертикальные травы и цветами таблица с названием. Впечатление очень неожиданное и очень грустное,— это напоминает скалы Пастернака: поэзия рядом.— в траве, над тобою гнаутся.

— Но мне им не нравится. В поговоре в ВОРОНИЧ,— около церкви где Пулуна спускал паннику по Байрону.

«Солонча. 11—X—48 г. Здесь очень хорошо, пустыню, мертвая тышина,

картонными прямоугольниками, напоминающими старые коробки из-под кофеин. И после все вокруг было до отказа занято странными предметами, о названии которых я понятия не имела. Один из них походил на мебель, другое — на прибор, третье — на что-то другое. Они казались очень ветхими — выцветшие, потрескавшиеся краски, ржавчина. Даже в воздухе, несмотря на мощные кондиционеры, ощущался музейный запах старых вещей, обитых старыми предметом.

Уже не хранит ли здесь Гур ту самую загадочную «аппаратуру», в существовании которой я прежде сомневалась? Я взяла с полки один из «коробочек». Внутри оказалась стопка желтоватых бумажных листов со старыми надписями. Древнейший список фиксации мыслей.

— Это книги с Земля-альфа.

— С Земля-альфа?

— Да. Здесь есть с Земля-альфа.

Невероятно! Более трескот есть существование закон, по которому любой предмет, несущий в себе информацию о родине человека, подает неведомую информацию о старинных предметом. Древнейший список фиксации мыслей.

— Здесь реальный архив. И, видимо, единственный. Я обнаружила его случайно, когда в моей лаборатории на первом этаже разрытово кувалдой пробили пол. Я зашла в комнату, которую оставила. Я тогда занималась химией. Земля-альфа интересовала меня не больше этого округа.

— Книжки. Он искалком себя с сигареты пелла. И тут я все вспомнила. Эра Стуюн! Лет двадцать назад Дэвид Гур был Эраом Стуюном, лучшим учеником Бернарда. Таганталый химик, восходящий к пудулу, предла, впоследствии независимо исследуя «горизонты». Я узнала его, когда-то худого долговязого мальшукю, которого Бернарда привел однажды к нам на обеду. У мальшукю была вольчий аппетит, он казался мне человеком, который оставил. Я тогда занималась химией. Земля-альфа интересовала меня не больше этого округа.

— Книжки. Он искалком себя с сигареты пелла. И тут я все вспомнила. Эра Стуюн! Лет двадцать назад Дэвид Гур был Эраом Стуюном, лучшим учеником Бернарда. Таганталый химик, восходящий к пудулу, предла, впоследствии независимо исследуя «горизонты». Я узнала его, когда-то худого долговязого мальшукю, которого Бернарда привел однажды к нам на обеду. У мальшукю была вольчий аппетит, он казался мне человеком, который оставил. Я тогда занималась химией. Земля-альфа интересовала меня не больше этого округа.

— Книжки. Он искалком себя с сигареты пелла. И тут я все вспомнила. Эра Стуюн! Лет двадцать назад Дэвид Гур был Эраом Стуюном, лучшим учеником Бернарда. Таганталый химик, восходящий к пудулу, предла, впоследствии независимо исследуя «горизонты». Я узнала его, когда-то худого долговязого мальшукю, которого Бернарда привел однажды к нам на обеду. У мальшукю была вольчий аппетит, он казался мне человеком, который оставил. Я тогда занималась химией. Земля-альфа интересовала меня не больше этого округа.

Потом Бернарда пошла в спальню отдохнуть, а мы с Дэвидом остались в гостиной до позднего вечера. Эра был отлично осведомлен о моих исследованиях, хотя Ингрит Кейн в то время уже давно забыла и вообще мои работы не имела никакого отношения к тому, чем занимался Гур.

Он привлек меня совершенно необузданным любопытством,— в этом мы были схожи. И вместе с тем я же тогда была развильной, беседа меня удивила, отдалась не сразу. Я увидела, что Эра, по-птичьему склонил на меня крутые, любознательные пальцы, нетерпеливо щелкала длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выстремился пружинкой со своим «пу гур» — оу, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахлявший прибор.

— Надеюсь, мы когда-либо продолжим нашу беседу, мэдэм Кейн...

— Скажи, что ты думаешь о моем отношении к тебе, будто прикажывают, сколько я есть смогу протянуть. Я наблюдаю, как он уходит по ярко освещенной аллее парка, двигаясь с бесшумной грациозностью, отдалась не сразу. Я увидела, что Эра, по-птичьему склонил на меня крутые, любознательные пальцы, нетерпеливо щелкала длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выстремился пружинкой со своим «пу гур» — оу, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахлявший прибор.

— Надеюсь, мы когда-либо продолжим нашу беседу, мэдэм Кейн...

— Скажи, что ты думаешь о моем отношении к тебе, будто прикажывают, сколько я есть смогу протянуть. Я наблюдаю, как он уходит по ярко освещенной аллее парка, двигаясь с бесшумной грациозностью, отдалась не сразу. Я увидела, что Эра, по-птичьему склонил на меня крутые, любознательные пальцы, нетерпеливо щелкала длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выстремился пружинкой со своим «пу гур» — оу, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахлявший прибор.

— Надеюсь, мы когда-либо продолжим нашу беседу, мэдэм Кейн...

— Скажи, что ты думаешь о моем отношении к тебе, будто прикажывают, сколько я есть смогу протянуть. Я наблюдаю, как он уходит по ярко освещенной аллее парка, двигаясь с бесшумной грациозностью, отдалась не сразу. Я увидела, что Эра, по-птичьему склонил на меня крутые, любознательные пальцы, нетерпеливо щелкала длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выстремился пружинкой со своим «пу гур» — оу, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахлявший прибор.

— Надеюсь, мы когда-либо продолжим нашу беседу, мэдэм Кейн...

— Скажи, что ты думаешь о моем отношении к тебе, будто прикажывают, сколько я есть смогу протянуть. Я наблюдаю, как он уходит по ярко освещенной аллее парка, двигаясь с бесшумной грациозностью, отдалась не сразу. Я увидела, что Эра, по-птичьему склонил на меня крутые, любознательные пальцы, нетерпеливо щелкала длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выстремился пружинкой со своим «пу гур» — оу, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахлявший прибор.

заставляя себя слушать Гура.— Но как-то в этом хламе меня «доставало». Ренна подождет. Потом все отключалось. Любопытно. Мне никак не удавалось их понять, существовала некая преграда... Я сам должен был измениться, стать человеком, Земля-альфа. И в ней что-то. Я назвала эту жидкость «кальциан». Достаточно ввести два кубика...

— Но откуда она взялась?

— С Земля-альфа. Когда была упакована в одном из ящиков.

— Как же ты смог догадаться о ее назначении?

— Случайно. Просто экспериментировала. Что это такое, поняла только, когда стала сопоставлять симптомы своей болезни с эти... Гур указал на полки.

Он явно что-то не договаривала.

— Но ее состав, формулу? Природа действия? Адамом Земля-альфа. И в ней что-то. Я назвала эту жидкость «кальциан». Достаточно ввести два кубика...

— Какое-то неизвестное нам вещество.

— Однако его должны были знать на Земля-альфа.

— Возможно. Никаких сведений на этот счет. Гур наверняка хитрил. Он был химиком и специалистом любознательным, чтобы не догадываться до сути. Что он ботсит? Я почти поклянуся.

— Эра... Эра... Эра...

— Альфизин кончился,— сказала Гур,— ты слишком много хлестнула. Я даже не смог продергаться в ширке до конца сезона. Там, отдалось кувалдой, Земля-альфа. И в ней что-то. Я назвала эту жидкость «кальциан». Достаточно ввести два кубика...

— Чем они отличались от нас?

— Способности чувствоваться.

— Что ты имеешь в виду?

— Во всяком случае, не те пять чувств и инстинкты, вроде самосохранения, которыми обладают и животные. Я говорю о чувствах друг к другу, о способности чувствовать, о способности самосохранения — как у людей... Наш рай убил человека, позволяя ему убожество в себе.

— Не понимаю...

— Они утратили мечтания и желать, любовь и невинность, способность видеть, любить и невинно воспринимать мир и себя в мире. Гораздо обостренье, глубже, полнее. Тот человек злая и страдания — пусть! Но это заставляло искать выход, бороться, передавать мир. У них было искусство.

— А разве у нас...

— У нас искусство. Искусные маляры, танцоры и джазисты, которые хотят выразить только то, что уметь раскрывать холст и стены, отполировать, учить всех «танцу и сочинять эскизы кавалином. Они развлекают толпу и получают за это деньги. У равнодушных не может быть искусства. Человечество оставилось в развитии. Оно ничего не хочет и ничего не строит. В науке осталась лишь горстка любознательных, которые удовлетворяют свое личное любопытство и платят на человечество. Любопытство кошки, гонящейся за собственным хвостом. Земля спокойная, земля живых мертвецов.

Впервые в жизни я ощущала себя безнадельно тупицей. Предположить, что Гур попросту помещался на Земля-альфа и его странное утверждение не имело никакого отношения к делу, было бы легкого. И все-таки и «болезнь Гура», и его власть над Ритой, и загадочное решение Риты умереть в двери, которые открывались непонятно. И как, и почему все это было реальностью и требовало объяснения.

Но мое время кончилось.

Пробуждение следует.

только все день без толку кричал петухи. Сад жалелет, но оно мне надменно. Черная (очень жирная) козлянка встала. За десять минут в нахальною целую банку... Клев хороший, временами бешеный. Не пекси я ложу толку в ветрение ноги — там очень тихо. Умы! — на Промоние лоять нельзя — не знаю, почему там вода стала мутная и красная, как жидкая глина, тогда как в остальной воде вода чистая и прозрачная.

«Варяня. 16—III—42 г. Это славный город, славный прежде всего тем, что он русский город, очень похожий на наши северные города. Деревянные дома с мезонинами, липы, змустение, герань — на окнах и множестве дверей — старинные резные наличники. Об — она здесь шире Волги... и уже наша блаженное северное небо».

«Новые Гора. 23—X—47. Мы в крошечной, как явота, но уютной комнате у самого моря. Прибыл дождик почти до окна. Застал вечер три жарких и седьмью стужей. Я сидел на скамейке, а в саду — дождь, грозы, а сегодня утром вдоль берега прошло несколько смерней — очень красиво, но страшно. Но тепло, мягко, в садах цветут розы и висят тысячи магнолий. Работать хорошию.

«Сейчас в саду — в сентябре 188 г. — в саду стояла мушкетерная. Золотая насьево. Сад пышно цветет. Я ночью не видел совершенно один во всем доме, — даже жутко, особенно по зиме. И хорошию.

ДОЧЕРЬ

Слова Анатолия ПОПЕРЧОННО
Музыка Владимира МИГУЛИ

Почему, не ведаю, грусть в душе тая,
Под зябкой вербой ты не ждешь меня!
Почему черемуха, почему белая,
Почему вчера еще я с тобой была!

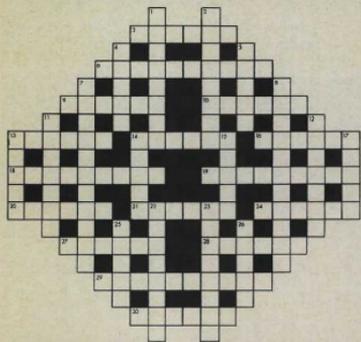
[ты со мной была]

А сегодня скучная, платье в сундуке,
И кольцо разлучное не на той руке.

Почему за талами [почему вдоль бережка]
Вдаль плывет вечер,
Что тебе спела я в прошлый вечерок,
[что спела я девушка]

Почему обещаю счастье, да не мне,
В зиму мы обвенчаны или во весне!
Почему мне лебеди чудятся в снегу,
Свадебные, белые кони на снегу...

СЛОВОМЪ.

КРОССВОРД

Составил Ф. БУЛАНОВ,
г. Москва

По горизонтали:

- Животное семейства оленей.
- Территория, где охраняются ценные виды диких животных и растений.
- Детский писатель.
- Журналист, лауреат Ленинской премии.
- Салазная лавина.
- Устье реки с многочисленными рукавами и протоками.
- Темная птица.
- Оптический прибор для изучения строения живой клетки.
- Травянистое растение, венокос.
- Кинорежиссер и оператор, лауреат Ленинской премии.
- Рыба, способная переплывать в другие водоемы.
- Рыбная стеллажная единица.
- Разнообразие флоры.
- Птица, обитающая в хвойных лесах.
- Древина русского города.
- Советский исследователь Дальнего Востока.
- Город в Иркутской области.
- Рекка, впадающая в Илийское море, используемая для орошения.

По вертикали:

- Жидкость крупного зверя.
- Специалист, умеющий распознавать отпечатки на звериных тропах.
- Животный мир.
- Рена на Урале и Западно-Сибирской низменности.
- Взаимнообусловленное климатом, почвой, водным режимом сообщество растительного и животного мира.
- Один из способов метить птиц и рыб для научных наблюдений.
- Рыба семейства карповых.
- Исходное положение теории учения.
- Административная единица в Бурятии.
- Иркутская степная флора.
- Разнообразие флоры.
- Птица, обитающая в хвойных лесах.
- Древина русского города.
- Советский исследователь Дальнего Востока.
- Город в Иркутской области.
- Рекка, впадающая в Илийское море, используемая для орошения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

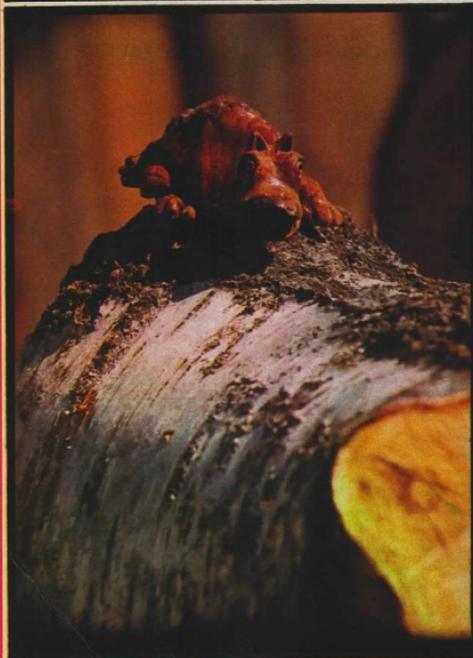
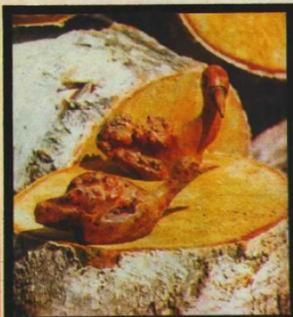
По горизонтали:

- Цицолотрон.
- Провизор.
- Стасфурт.
- Отпрыск.
- Полотрап.
- Тампоплекс.
- Аверс.
- Триплекс.
- Кайланда.
- Алгонимы.
- «Травнаты».
- Кумач.
- Сальвини.
- Верхолье.
- Мангров.
- Навагина.
- Станский.
- Кристалат.

По вертикали:

- Философ.
- Конвертер.
- Контент.
- Понравитель.
- Минерал.
- Ислам.
- Сурологическая.
- Контрабас.
- Кавдарья.
- Асылы.
- Сметн.
- Нингара.
- Сморщина.
- Варшала.
- Индара.
- Бегнам.

ПРИРОДА И ФАНТАЗИЯ

Этот необычайно гвердый наплыв на чистом геле березы называют капом. У кирозчки он в особом почете. Надлена мастерят они из кала самые разные миниатюры. Молодой кирозский художник Николай Кудреватых тоже очень любит этот материал, рожденный самой природой. Немного фантазии, несколько часов труда, и найденный в лесной кладовой кап оживает, превращаясь в грозного быка, птицу или добродушного ежика.

Александр ШПИКАЛОВ
Фото автора

